

ZBIÓR
ARTYKUŁÓW NAUKOWYCH

TEORETYCZNE I PRAKTYCZNE
ASPEKTY ROZWOJU
WSPÓŁCZESNEJ NAUKI

Poznan

30.09.2015 - 01.10.2015

Część 6

СБОРНИК
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИ-
ЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Познань

30.09.2015 - 01.10.2015

Часть 6

U.D.C. 91+930.1+32+159.9+316+101.1+082

B.B.C. 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: 00-728 Warszawa, ul. S. Kierbedzia, 4 lok.103

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zl.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór artykułów naukowych. Konferencji Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej "Teoretyczne i praktyczne aspekty rozwoju współczesnej nauki (30.09.2015 - 01.10.2015) - Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2015. - 60 str. ISBN: 978-83-65207-37-1

Część 6.

УДК 91+930.1+32+159.9+316+101.1+082
ББК 94

Komitet Organizacyjny Konferencji:

1. *W. Okulicz-Kozaryn – (Przewodniczący), dr. hab, Polska;*
2. *A. Murza, (Zastępca Przewodniczącego), Ukraina;*
3. *E. Ageev, dr. hab, Rosja;*
4. *E. Чекунова, dr. hab, Rosja;*
5. *L. Nechaeva, dr, Ukraina;*
6. *A. Горохов, dr, Rosja;*
7. *B. Подобед, dr, Białoruś;*
8. *A. Prokopiuk, dr, Polska;*
9. *M. Ордынская, profesor, Rosja.*

Wszelkie prawa zastrzeżone. Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora jest zakazane. Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów. Pisownia oryginalna jest zachowana. Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour». Obowiązkiem jest odniesienie do zbioru.

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ

SEKSCJA 9. NAUK HISTORYCZNYCH. (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)

1. Павлик О.В. 5
М.Ф. БІЛЯШІВСЬКИЙ ТА «ІМПЕРАТОРСЬКЕ МОСКОВСЬКЕ
АРХЕОЛОГІЧНЕ ТОВАРИСТВО»
2. Ёхина Н.А. 10
К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ ДОМА РОМАНОВЫХ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛА
ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ ПОГОРЕЛЬЦАМ Г. МОСКВЫ И
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ
3. Дружинина Ю.В. 20
СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОН-
ЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АС-
ПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEKSCJA 15. NAUK PSYCHOLOGICZNYCH.
(ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

4. Драгола Л. В. 26
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ГЛУ-
БИННОМ ПОЗНАНИИ ПСИХИКИ
5. Гончарова Н. О. 29
ЭТАПИ СТАНОВЛЕННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ КАР'ЄРИ МАЙБУТ-
НЬОГО ВЧИТЕЛЯ
6. Харченко А. С. 32
ПСИХОЛОГІЧНИЙ ПОРТРЕТ ОСОБИСТОСТІ МАЙБУТНЬО-
ГО ВЧИТЕЛЯ

SEKSCJA 23. FILOZOFIA. (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

7. Скворцова Н.В. 36
ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО
МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА
8. Муляр В. I. 43
ДЕЩО ПРО ВІРТУАЛЬНЕ
9. Карпицкий Н.Н. 46
ОСНОВАНИЯ ИНТУИЦИИ МИКРО- И МАКРОКОСМА В ФЕ-
НОМЕНОЛОГИИ ТЕЛА
10. Чеснова Е.Н. 52
РЕКОНСТРУКЦИЯ ФЕНОМЕНА ВЕРЫ В ДУХОВНО-
ПРАВСТВЕННОМ УЧЕНИИ А.Т. БОЛОТОВА

Павлик О.В.

аспірант кафедри історії та культури України
ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький
державний педагогічний університет
імені Григорія Сковороди»
м. Переяслав-Хмельницький,

М.Ф. БІЛЯШІВСЬКИЙ ТА «ІМПЕРАТОРСЬКЕ МОСКОВСЬКЕ АРХЕОЛОГІЧНЕ ТОВАРИСТВО»

В статті йде мова про наукову діяльність М.Ф. Біляшівського та її зв'язок з «Імператорським Московським археологічним товариством», взаємовідносини з керівником товариства П.С. Уваровою. Розглядається вплив організації на видання «Археологічний літопис Південної Росії».

Ключові слова: «Імператорське Московське археологічне товариство», «Археологічний літопис Південної Росії», археологія, розкопки, П.С. Уварова, М.Ф. Біляшівський.

Археологічна наука в Україні має давню історію та традиції. Перші згадки про розкопки на території сучасної України, датуються XVI ст., коли іноземні мандрівники розкопували скіфські кургани. Хоч і археологами в класичному уявленні їх назвати досить тяжко, бо робили вони це не через наукові побажання, а через бажання власної вигоди і більш влучно їх називати «чорні археологи», та як би там не було, такий факт існує.

Незважаючи на всі складності, справжнім розквітом історичної науки в цілому, та археологічної зокрема, в Україні став період з кінця XIX ст. і початок XX, в період заходу Царської Росії. Існувала велика кількість історичних, археологічних та етнографічних спілок, об'єднань, товариств, як і в метрополії, так і в провінції. Зокрема – «Императорское Московское археологическое общество», «Императорская Археологическая комиссия» в Петербурзі, «Церковно-археологическое общество», «Общество любителей старины» та інші.

Одним з корифеїв практичної та теоретичної археологічної науки був Микола Федотович Біляшівський, який своєю сподвижницькою працею, зробив величезний вклад в розвиток археологічної науки. Він тісно співпрацював з різними товариствами, зокрема і з «Імператорським Московським археологічним товариством».

Метою даної статті є висвітлення співпраці Миколи Федотовича Біляшівського та «Імператорського Московського археологічного товариства».

Дослідженням наукової діяльності М.Ф. Біляшівського, зокрема й археологічної, згадували у своїх статтях його колеги та друзі Д.І. Багалій [1], А. Винницький [2], С.О. Єфремов [4], П.П. Курінний [5], В.Г. Ляскоронський, [6], Д.М. Щербаківський [8]. Серед сучасних досліджень діяльності М.Ф. Біляшівського варто відзначити праці А.Ф. Примак [7] та Л.В. Дідух [3].

Основним джерелом даного дослідження є повідомлення, листи та відрядження «Імператорського Московського археологічного товариства», які знаходяться в Інституті рукопису, Національній бібліотеці України ім. В.І.Вернадського у Фонді М.Ф.Біляшівського.

«Імператорське Московське археологічне товариство» почало листування з Миколою Федотовичем 19 травня 1890, останній лист відправлений 10 травня 1904 р. Варто також виділити листи від керівника ІМАС, графині П. Уварової, 20 грудня 1889 р. – 28 квітня 1907 р.

Наукові взаємовідносини між М.Ф. Біляшівським та «Імператорським Московським археологічним товариством» розпочалися з 1890 року, коли молодий археолог прохав дозволу на проведення розкопок у південних губерніях Російської імперії. На своєму засіданні в травні 1890 року «Імператорське Московське археологічне товариство» вирішило відмовити Миколі Федотовичу, в зв'язку з постановами, які забороняли видавати особам листів з дозволом на розкопки в Київській, Чернігівській та Полтавській губерніях [9].

Проте, факт відмови не є показовим, оскільки на засіданні товариства від 14 січня 1892 р., М.Ф. Біляшівський був прийнятий його членом-кореспондентом, як йшлося в листі від керівник товариства, гр. П.С. Уварової: «...во внимание к занятиям Вашим научными исследованиями курганов и городищъ Киевской губ., и во уважение постоянно оказываемого сочувствия къ деятельности Общества присылкой отчетовъ о своих раскопкахъ и брошюр научного содержания, оно, в заседании 14 сего января единогласно избрало Васъ, на основании § 19 Устава своимъ Членомъ-Корреспондентомъ» [10].

Протягом наступних років «Імператорське Московське археологічне товариство» та М. Біляшівський продовжували співпрацю. Так, у 1893 р., Микола Федотович взяв участь в засіданні товариства де зачитав повідомлення «Майстерня кам'яного віку на Княжій Горі», про свої археологічні дослідження у вищевказаному урочищі [9].

В грудні 1893 року, М.Ф. Біляшівського було обрано представником «Імператорського Московського археологічного товариства» до попереднього комітету Археологічного З'їзду в Ризі 1896 р., а 27 березня 1903 року, він

став його постійним членом [9].

В травні 1904 р., Микола Федотович отримав археологічне відрядження від «Імператорського Московського археологічного товариства»: «...Дано ее, с приложением казенной печати, Императорским Московским Археологическим Обществом своему Действительному Члену Николаю Федотовичу Беляшевскому в том, что он действительно командировается Обществом в Переяславский и Золотоношский уезды Полтавской губернии для описания древних памятников Украины и для предоставления отчета о сем Обществу.

Вместе с тем Императорское Московское Археологическое Общество обращается к местным властям и духовенству с покорнейшей просьбой об оказанию г. Беляшевскому всякого содействия и помощи при исполнении возложенного на них Обществом поручения» [9].

Робота Миколи Федотовича у складі «Імператорського Московського археологічного товариства» була доволі різноманітною. Він займався збором та доставкою пам'яток старовини на різні збори та виставки до Москви та Петербурга. Не забував Микола Федотович відправляти своє дітище «Археологічний літопис Південної Росії» [11].

Співпраця М. Біляшівського з товариством в плані роботи часопису складалася не тільки з пересилки свіжих номерів. З самого початку існування журналу, виникали труднощі у його вчасному випуску через фінансові труднощі, бо Микола Федотович, на кошти якого власне і виходило видання, не завжди міг виділити необхідну суму коштів. Доводилося звертатися до приватних меценатів та наукових товариств з проханням про допомогу у виданні чергового номеру. Така велика і поважна організація, як «Імператорське Московське археологічне товариство», не завжди відгукувалася на подібні прохання, обґрунтовуючи відмову дефіцитом коштів та неможливістю фінансування видань, які не входять до числа видань товариства [12].

Графиня Уварова, яка була завідувачем, високо цінувала наукову діяльність М.Ф. Біляшівського та роль «Археологічного літопису Південної Росії» у розвитку та популяризації археологічної науки і допомагала грошима із власних збережень.

З початком виходу «Археологічного літопису», як самостійного видання, Микола Федотович запропонував П.С. Уваровій разом видавати часопис, це могло б одночасно вирішити всі фінансові проблеми, які були у «Літопису», але графиня відмовила, мотивуючи відсутністю часу на подібну роботу [13].

Отже, М.Ф. Біляшівський та «Імператорське Московське археологічне товариство», співпрацювало у питаннях з різних аспектів археологічної на-

уки. Можна виділити роботу Миколи Федотовича, як члена товариства, так і роботу поза його межами, але так чи інакше пов'язані між собою.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Багалій Д.І. Записка про наукові праці М.Т. Біляшівського / Д.І. Багалій // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. – 1926. – Кн. 9. – С.1–10.
2. Винницький А. Микола Теодорович Біляшівський. Його життя і музейна робота / А. Винницький // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. – 1926. – Кн. 9. – С. 11–23.
3. Дідух Л.В. Академік М.Ф. Біляшівський у науковому, культурному та громадському житті України (кінець ХІХ – перша чверть ХХ ст.): Дис. канд. іст. наук: 07.00.01; / Л.В. Дідух // Нац. ун-т “Кієво-Моги́л. акад”. – К., 2005. – 17 с.
4. Єфремов С. М.Ф. Біляшівський на громадській роботі / С. Єфремов // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. – 1926. – Кн. 9. – С. 54–59.
5. Курінний П.П. Академік Микола Теодотович Біляшівський як археолог / П.П. Курінний // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. – 1926. – Кн. 9. – С.24–32.
6. Ляскоронський В.Г. М.Т. Біляшівський як нумізмат / В.Г. Ляскоронський // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. – 1926. – Кн. 9. – С. 33–37.
7. Примак А.Ф. Становлення М.Ф. Біляшівського як вченого і дослідника минувшини / А.Ф. Примак // Історія України: маловідомі імена, події, факти. – К., Донецьк: Рідний край, 2001. – Вип. 17. – С.74–76.
8. Щербаківський Д.М. М.Т. Біляшівський і українське мистецтво / Д.М. Щербаківський // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. – 1926. – Кн. 9. – С. 38–58.
9. Справа 264-271. Императорское Московское археологическое общество Беляшевскому Николаю Федотовичу. Письма, уведомления о производстве раскопок в Южных губерниях, об избрании Н.Ф.Беляшевского членом Предварительного комитета X Археологического съезда, об учреждении археографической комиссии и ее задачах, командировочное удостоверение. 19 мая 1890 г. – 10 мая 1904 г. Из Москвы в Варшаву. – 8 од. – 16 арк.
10. Справа 1929. Уварова Прасковья Сергеевна председатель Московского археологического общества Беляшевскому Николаю Федотовичу. Уведомление об избрании Беляшевского Н.Ф. членом-корреспондентом Московского археологического общества. 16 января 1892 г. Москва. – 2 арк.
11. Справа 1930-1931. Уварова Прасковья Сергеевна Беляшевскому Николаю Федотовичу. Письма. 30 апреля 1892 г. – 2 февраля 1902 г. Из Москвы в Киев. – 2 од. – 3 арк.

12. Справа 1932. Уварова Прасковья Сергеевна (Председатель Московского археологического общества) Беляшевскому Николаю Федотовичу. Письмо о средствах для напечатания отдельных оттисков “Археологической летописи Южной России”. – 2 арк.
13. Справа 1933-1937. Уварова Прасковья Сергеевна Беляшевскому Николаю Федотовичу. Письма 24 февраля 1902 г. – 17 декабря 1902 г. Из Москвы в Киев. – 5 од. – 10 арк.

**К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ ДОМА РОМАНОВЫХ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛА
ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ ПОГОРЕЛЬЦАМ
Г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ.**

Ключевые слова: милосердие, благотворительная деятельность, великая княгиня Елизавета Федоровна Романова, Вера Петровна Гучкова, Московский городской отдел Общества помощи погорельцам г. Москвы и Московской губернии.

Keywords: charity, philanthropy, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna Romanova, Vera Petrovna Guchkova, Moscow city department of the Company of assistance to fire victims in Moscow and Moscow Province.

Великую княгиню Елизавету Федоровну Романову (1864-1918), одну из самых почитаемых новомучениц российских, уже при жизни называли Великой матушкой, «радостью несчастных и страждущих». Будущий первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский) писал о ней: «Это было редкое сочетание возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещенного ума, нежного сердца и изящного вкуса» [6, 6]. По словам митрополита, «дух инициативы и нравственная чуткость, сопутствовавшие Великой Княгине во всей ее деятельности, заставляли ее изыскивать новые пути и формы благотворительности, в которых иногда отражалось влияние ее первой западной родины, опередившей нас в организации общественной помощи и взаимопомощи» [6, 8].

Свое имя Елизавета получила в честь одной из родоначальниц Гессенского дома, современницы Крестовых походов Елизаветы Тюрингенской, которая посвятила себя делам милосердия, помогая бедным и страждущим. Ее жизненный подвиг оказал огромное влияние на мировоззрение и духовную настроенность будущей великой княгини. Родители Елизаветы дочь английской

королевы Виктории принцесса Алиса и Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг IV большую часть своего состояния раздали на благотворительные нужды. Принцесса Алиса много работала – постоянно посещая госпиталя, приюты, дома для инвалидов. Во время своих поездок она часто брала с собой и двух старших дочерей Викторию и Елизавету [9, 16. 19]. Именно поэтому, как пишет Л.П. Миллер, выходя замуж за великого князя Сергея Александровича (1884 г.), принцесса Елизавета везла в Россию «самое ценное – свое сердце, полное любви к ближним и жалости к обездоленным» [9, 26-27].

После назначения великого князя Сергея Александровича на должность московского генерал-губернатора (1891 г.) здесь, на Московской земле Елизавета Федоровна смогла реализовать свой дар благотворительности. Одним из многообразных направлений благотворительной деятельности великой княгини стало оказание помощи погорельцам.

«Красный петух» был ужасным бедствием для России того времени. Так, по данным представленным в исследовании Г.Н. Ульяновой во второй половине XIX, начале XX в. ущерб от пожаров был столь значительным, что велась тщательная статистика происшествий. В соответствии с ней в период с 1895 по 1910 гг. «только в 63 губерниях Европейской России произошло более 1 млн пожаров, убыток от которых исчислялся в 1,5 млрд рублей. (Для сравнения, годовой бюджет Российской империи в 1899 году составлял 1,57 млрд рублей.)». Ежегодный же убыток от данного бедствия «составлял 100 млн рублей, что в сравнении с бюджетами двух самых мощных министерств составляло 31% всех расходов Военного ведомства, или 35% расходов Министерства путей сообщения» [10, 50].

В отношении того насколько актуальной проблема пожаров была для Москвы, показательным является тот факт, что «в центральной части города процент владений, оцененных и охваченных повсеместным страхованием, в 1902 году достигал от 87,2 до 96,7% в разных кварталах» [10, 55]. В Москве существовало 19 страховых компаний, занимавшихся «огневым страхованием», однако не все из них можно было назвать прибыльными, «поскольку из-за частоты пожаров объемы страховых премий, выплачиваемых потерпевшим, могли и превышать доходы от страховых операций». К примеру, в 1906 году лишь 6 из 19 функционирующих обществ не были убыточными, и их совместная прибыль составила около 395 тыс. рублей, тогда как 13 страховых компаний понесли убытки в размере 2,3 млн рублей [10, 55-56].

Для оказания помощи беднейшему населению, лишенному «возможности страховать свое скромное имущество, добытое трудом в течение многих лет» [2, 115 об.], в 1898 г. и было основано «Состоящее под Августейшим

Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны председательством Общество помощи погорельцам г. Москвы и Московской губ<ернии>». Материалы, отражающие его деятельность, отложились в одноименном фонде Центрального исторического архива Москвы (далее ЦИАМ) [1]. Они составили основную источниковую базу настоящего исследования, задача которого заключалась в том, чтобы на примере Московского городского отдела показать, как решалась проблема оказания помощи беднякам-погорельцам.

Ежегодные отчеты указанного отдела издавались в форме брошюр, с момента его основания в 1908 г. до 1911 г. включительно. Начиная с 1912 г. отчеты в фонде отсутствуют, и о работе Московского городского отдела в 1912 – 1913 гг. можно судить по сводным данным, представленным в общем отчете Общества (также издавался в форме брошюр). Однако и эти общие отчеты, начиная с 1914 г. в фонде отсутствуют.

К 1907 г. отделы Общества помощи погорельцам г. Москвы и Московской губ. были учреждены во всех 13 уездах Московской губернии, кроме Бронницкого, Коломенского и Московского. Их непосредственной организацией на местах занимались супруги уездных предводителей дворянства. При подведении итогов работы Общества за период с 1898 г. по 1906 г., акцент, прежде всего, был сделан на проблемах, мешающих его полноценной работе и требующих скорейшего решения. Во-первых, поскольку действие временного устава, принятого в 1898 г., ограничивалось тремя годами (срок истек 22 апреля 1901 г.), с 1901 по 1907 г. Общество фактически не имело утвержденного Правительством устава. Во-вторых, центральный орган управления Общества Главный Совет «был далеко не в полном составе» и поэтому, «за отсутствием объединяющего начала», деятельность некоторых отделов была близка к своему прекращению». В итоге, 1907 год был назван «годом возобновления правильной деятельности Общества» [3, 80].

В течение 1907 г. был обновлен состав Главного Совета. 14 мая 1907 г. великая княгиня Елизавета Федоровна приняла Общество и Главный Совет «под свое Августейшее Председательство». 29 мая 1907 г. «на основании циркуляра Министра Внутренних Дел по Главному Управлению по делам местного хозяйства, (от 15 мая 1906 г.), Московским Генерал-губернатором Генерал-Лейтенантом Сергеем Константиновичем Гершельманом был утвержден новый постоянный устав Общества» [3, 80].

На основании устава членами Общества могли быть лица «обоего пола, всех званий, состояний и вероисповеданий», исключение составляли:

несовершеннолетние учащиеся учебных заведений, нижние чины, состоящие на действительной военной службе, а также «подвергшиеся ограничению прав по суду». Члены Общества разделялись на 3 категории: почетные, пожизненные и действительные. Почетными членами состояли лица «сделавшие значительные денежные или иные пожертвования в пользу Общества или отдела, или оказавшие им особые услуги и избранные в это звание Общим Собранием членом Советов или отделов». Пожизненными членами считались лица, единовременно внесшие в кассу Главного Совета сумму в размере не менее 100 рублей. Действительными членами определялись: председатели обществ с их помощниками, члены советов, секретари, казначеи, а также все те, кто ежегодно уплачивал «в кассу Главного Совета или отдела не менее трех рублей или один рубль и три какие-либо вещи из домашней утвари, одежды и т.п.». Также звание действительного члена могло быть присвоено «по постановлению Общего Собрания членом Советов или отделов и лицам трудом содействующим цели Общества» [3, 33 об.].

Управление делами Общества возлагалось на Главный совет Общества в Москве, Советы местных отделов Общества, открываемые в уездах Московской губернии и в Москве, а также на общие Собрания членом Советов и общие собрания членом отделов. Открытие отделов осуществлялось с разрешения Главного совета, с уведомлением об открытии или закрытии градоначальника или губернатора. Состав Советов, как главного, так и местных была следующим: председатель, 2 помощника, 5 членом совета, секретарь и казначей. Председательницей Общества и Главного совета являлась великая княгиня Елизавета Федоровна, она также имела двух помощников по Главному совету, которых назначала сама. Она же осуществляла назначение председателей советов отделов, секретаря и его помощника по Главному совету. Члены советов, казначеи и секретари местных отделов избирались общим собранием членом советов или отделов сроком на три года, и утверждались Августейшей председательницей Общества [3, 35].

Учреждение Московского городского отдела изначально было обусловлено необходимостью привлечения членом Общества проживающих в Москве, и не принадлежащих к уездным отделам к более активному участию в его жизни [2, 2-2 об.]. По просьбе Елизаветы Федоровны труд по организации и руководству отделом приняла на себя, член Главного совета В.П. Гучкова¹,

¹ Гучкова Вера Петровна (1862- 1916), урожденная Боткина, дочь П.П. Боткина (1831-1907), главы фирмы «Петра Боткина сыновья». Петр Петрович помимо промышленно-торговых дел активно занимался делами церковными: был старостой церковей Успения на Покровке, Архангельского собора в Кремле, Храма Христа Спасителя (см.: [7, 222-223]).

супруга Московского городского головы Н.И. Гучкова². Деятельность отдела ограничивалась участками г. Москвы, находившимися в ведении Городских попечительств о бедных. Это позволяло установить четкий, основанный на территориальном принципе порядок оказания помощи, подразумевавший всестороннюю проверку личности просителя и, как следствие, предоставление ее истинно нуждающимся.

Учредительное собрание Московского городского отдела под председательством В.П. Гучковой состоялось 15 марта 1908 года. На образование уставного фонда общества Елизаветой Федоровной было сделано пожертвование в размере 100 рублей. Также по 100 рублей пожертвовали В.П. Гучкова и И.А. Гуськов. 100 рублей и вещи для предстоящего базара пожертвовала Ю.Т. Крестовникова [2, 54]. На собрании были избраны должностные лица, утвержденные впоследствии великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Одной из основных форм помощи погорельцам являлись денежные пособия. Решения об их выдаче и размере принимались или непосредственно на заседании Совета, или, в случае возникающих спорных вопросов, Московский городской отдел направлял запрос в Городское попечительство о бедных к которому относился проситель. Там производилось «дознание» и составлялся «опросный лист», на основании которого Совет принимал решение об удовлетворении или отказе в выдаче пособия. Помимо этого, В.П. Гучкова была наделена правами в летнее каникулярное время единолично принимать решения о выдаче пособий сумма которых, в соответствии с постановлением Совета от 5 июня 1908 г., не должна была превышать 25-ти рублей на просителя [2, 54 об.]. В итоге на основании анализа отчетов за 1908-1911 гг. можно сказать, что из 124 выданных за данный период пособий 64 было выдано по решению Веры Петровны.

При определении размера выделяемого пособия должно было приниматься во внимание как семейное, так и имущественное положение погорельцев [2, 54-54 об.]. Как правило сумма варьировалась от 5 до 35 руб.

По предложению члена совета Н.К. фон-Вендриха было постановлено образовать «неприкосновенный капитал», исчисляемый на тот момент 300-ми рублями (он слагался из взносов 3-х лиц по 100 руб., они, в соответствии с уставом, получили статус «пожизненного члена»³). «Неприкосновенный ка-
2 Гучков Николай Иванович (1860-1935), представитель известной московской торгово-промышленной семьи, тесно связанной с Боткиными в деловой области. Помощник и компаньон своего тестя П.П. Боткина: директор чаепромышленной фирмы «Петра Боткина сыновья», директор товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода. Московский городской голова (1905-1912) (см.: [7, 222-223]). Гласный Московской городской думы, в период Гражданской войны уполномоченный Красного креста в Крыму. С 1920 г. в эмиграции во Франции.

3 В конце 1908 г. пожизненными членами, осуществившими пожертвование в сумме 100 руб. считались: В.П. Гучкова, Ю.Т. Крестовникова и П.А. Гуськов (см.: [2, 58]).

питал» вносился «на книжку Сберегательной Кассы Государственного Банка». Несколько позже, в дополнение к вопросу о формировании неприкосновенного капитала было принято постановление об отчислении в него «10% с каждого поступающего в кассу Отдела рубля» [2, 54 об.].

К концу 1908 г. по итогам деятельности Московского городского отдела вырисовывалась следующая картина: всего было проведено 7 заседаний Совета. На них рассмотрено 69 прошений о помощи, по 63-м из которых пострадавшим выдано пособие: «наименьшее 5 руб., наибольшее 30 руб.». При этом 2 прошения были отклонены, и по 2-м «за нерозыском просителей» ходатайство оставлено без рассмотрения. Общая сумма поступивших в кассу отдела денежных средств составила 1660 руб., 25 коп. При этом 685 руб. 25 коп. было собрано посредством членских взносов, и 900 руб. составляли доход от устроенного В.П. Гучковой «киоска на базаре в Дворянском собрании 24 апреля 1908 г.». Оставшаяся сумма – 75 руб., – была возвратом средств, внесенных «за право иметь киоск на предполагавшем к открытию базара в Декабре месяце 1908 г. в Дворянском собрании». Доход распределился следующим образом: 780 руб. пошло на выплату пособий, 300 руб., как указывалось выше, на формирование неприкосновенного капитала, и 210 руб. 60 коп. было израсходовано на иные нужды: канцелярские расходы, внесение денег за право иметь киоски на базарах в Дворянском собрании, печать общего устава Общества помощи погорельцам г. Москвы и Московской губернии [2, 55-57].

19 февраля 1909 г. ревизионная комиссия (А.К. Тарновский и И.А. Александров), по итогам проверки отчета Совета о деятельности Московского городского отдела за указанный период «нашла, что оный составлен правильно и согласно с приходно-расходною книгою и принадлежащая неприкосновенному капиталу в кассе наличность, а равно и суммы, внесенные в Сберегательную Кассу Государственного банка и на текущий счет Московского Купеческого банка⁴, показаны правильно и находятся на лицо». Отдел насчитывал 46 членов: 1 почетного, 3 пожизненных, и 42 действительных [2, 57 об. – 58].

В начале 1909 г. В.П. Гучкова, указав на недостаточность средств находившихся в распоряжении Московского городского отдела, выступила с инициативой организации лотереи, и выразила готовность предоставить для этого «массу вещей», которые она «готова будет пожертвовать на благоую цель». В итоге, Совет, поддержав идею Веры Петровны, направил в адрес Московского генерал-губернатора ходатайство с просьбой разрешить данное

⁴ В начале 1909 г. неприкосновенный капитал составлял 400 руб. и находился на книжке «Сберегательной Кассы Государственного Банка», так же, как и часть расходного капитала в сумме 226 руб. 65 коп. была внесена на текущий счет «Московского Купеческого Банка» (см.: [2, 57 об.]).

мероприятие. Однако в последовавшем в марте 1909 г. ответе, проведение лотереи было запрещено «за силою § 4 правил о лотереях» [2, 86-86 об.].

Выход из положения был найден благодаря реализации предложения члена Совета В.П. Бонч-Бруевича об устройстве спектакля. Для постановки была выбрана «еще не шедшая в Москве» пьеса Оскара Уайльда «Идеальный муж». Премьера спектакля состоялась 3-го апреля 1909 г. в помещении Литературно-художественного кружка по адресу Большая Дмитровка, дом Вострякова (д. 15 а.). Режиссером был Иван Романович Пельтцер, в постановке задействованы актеры: В.Ф. Грибунина, В.Н. Ильнарская, А.Т. Полякова, М.А. Мелетинская, Е.А. Племянникова, О.К. Ольгина, А.А. Горбачевский, М.Н. Загорянский, И.Р. Пельтцер, А.А. Тарасов, А.А. Александров, А.Я. Барыкин, С.А. Фролов, В.И. Семенов, В.М. Георгиев и др. По окончании спектакля до 3-х часов ночи был устроен танцевальный вечер [2, 69]. Чистый сбор от спектакля составил 1682 руб. 5 коп. [2, 87].

По итогам 1909 г. размер членских взносов составил 520 руб. Всего же за 1909 г. в кассу поступила сумма в размере 2 783 руб. 49 коп. В течение года было проведено 9 заседаний Совета, рассмотрено 30 (на 39 меньше чем в 1908 г.) прошений о выдаче пособий (2 за 1908 г., и 28 за 1909). 26 прошений было удовлетворено, размер минимальной выплаты составил 5 руб., максимальной 35 руб. Общая сумма выплат составила 353 руб. (на 427 руб. меньше чем в 1908 г.). По 4 прошениям в ходатайстве было отказано. Помимо «неприкосновенного» капитала (постоянная сумма – 400 руб.), был образован «запасной капитал», размещенный на счете Сберегательной кассы Государственного Банка. В 1909 г. в него было причислено 503 руб. 10 коп. На текущий же счет, открытый в Московском Купеческом Банке (с него осуществлялись выплаты) была перечислена сумма в размере 1924 руб. 39 коп. [2, 87-87 об.].

1910 г. для Московского городского отдела, по заключению Совета, в финансовом отношении был не совсем благоприятным. Размер членских взносов составил лишь 196 руб., единовременных взносов вовсе не поступало. К рассмотрению было принято 23 прошения погорельцев, из которых 20 удовлетворено, по двум ходатайствам произведен отказ, и одно прошение не было рассмотрено в связи с его поздним поступлением. Небольшое количество выплат объяснялось тем, что «было сравнительно незначительное количество пожаров, по которым погорельцы обратились к Отделу за пособием». Общая сумма выданных пособий составила 308 руб. В запасный капитал пошло 27 руб. 8 коп, на текущий счет внесено 41 руб. 9 коп. [2, 115-115 об.].

Мероприятий которые могли бы существенным образом, как в предыдущие годы, пополнить бюджет отдела не проводилось. Правда в конце

1910 г. Московский градоначальник дал добро на проведение лотереи, но специальное заседание, посвященное ее организации, назначенное на 21 декабря, не состоялось по причине неприбытия члена Совета В.П. Бонч-Бруевича, должного доставить афиши и билеты [2, 114 об.].

Лотерея была проведена через год, 11 декабря 1911 г. и стала главным событием в жизни Московского городского отдела. Местом ее проведения стало помещение Московской Городской Думы. Доход от продажи билетов составил 1446 руб. [см.: 2, 128. 130 об.]. Помимо этого, пожизненный член отдела А.Т. Карпова пожертвовала 500 руб. «в память умершей матери Марии Федоровны Морозовой» и просила именовать данные денежные средства «Капиталом имени М.Ф. Морозовой». А.Т. Карпова получила статус почетного члена Московского городского отдела, а на пожертвованную ею сумму, были приобретены процентные бумаги, зачисленные «в неприкосновенный капитал “имени Марии Федоровны Морозовой”» [2, 128 об.-129].

Однако несмотря на значительные, по сравнению с предыдущим годом, финансовые поступления общая сумма выданных пособий была меньше чем в 1910 г. и составила 266 руб. Поясняя данную ситуацию, и сравнивая 1908 год с годом 1911, Совет констатировал: «в 1908 г. обращалось сравнительно большее количество лиц и выдана сравнительно большая сумма в виду того, что помощь была оказана погорельцам предыдущих лет, в текущем же году незначительное количество просителей объясняется отсутствием значительных пожаров в мелких бедных квартирах» [2, 129].

В 1912 г. доход Московского городского отдела составил 1699 руб. 21 коп. На выдачу пособий была израсходована рекордная, по сравнению с предыдущими годами сумма в размере 1300 руб., а остаток на 1 января 1913 г. составлял 3846 руб. 65 коп. [4, 60 об. – 61]. В 1913 г. в области поступлений последовал определенный спад – доход составил лишь 242 руб. 15 коп, тем не менее, на выдачу пособий было потрачено 944 руб. [4, 65 об. -66].

Таким образом, анализ ежегодных отчетов Московского городского отдела с 1908 по 1913 г., показал, что за означенный период было выдано пособий на сумму 3 951 руб. За 1908 – 1911 гг. была оказана помощь 124 просителям. Это была «немедленная» помощь столь необходимая беднейшему населению, имущество которого не было застраховано.

1914 г. для Московского городского отдела был печально ознаменован уходом со своего поста В.П. Гучковой и смертью секретаря отдела барона Н.К. фон-Вендриха. Вера Петровна на основании ее собственного прошения была освобождена от должности рескриптом великой княгини от 29 марта 1914 года. Елизавета Федоровна направила В.П. Гучковой письмо, текст ко-

тогого мы прыводим поўнасьцю: «Вера Петровна, в 1908 году, любезно откликнувшись на МОЕ предложение, Вы приняли на себя труд по учреждению Московского Городского Отдела, состоящего под МОИМ председательством Общества помощи погорельцам г. Москвы и Московской губернии, и в течение 6-ти лет председательствовали в этом Отделе. Благодаря Вашему усердию это вновь созданное трудами Вашими учреждение Общества скоро стало на ряду с ранее существовавшими Отделами Общества и в настоящее время находится на твердой почве. Освобождая ныне Вас, согласно Вашей просьбе, от обязанностей Председательницы Московского Городского Отдела Общества, Я считаю необходимым выразить Вам глубокую мою признательность за всю Вашу плодотворную деятельность на пользу Общества помощи погорельцам и сожаление МОЕ о том, что изменившиеся домашние обстоятельства лишают МЕНЯ в лице Вас желательной сотрудницы в этом деле, но Я искренне надеюсь, что Вы и теперь не оставите деятелей Вами созданного Отдела своими опытными указаниями и помощью в продолжении ими успешно начатого Вами дела. Признательная Вам ЕЛИСАВЕТА» [5, 1-2].

После В.П. Гучковой место председательницы Московского городского отдела заняла А.А. Адрианова, супруга Московского градоначальника генерал-майора А.А. Адрианова. К сожалению, информацией о деятельности общества в ее бытность мы не располагаем. Однако можно допустить, что начало Первой мировой войны внесло свои коррективы, акценты объективно были смещены и деятельность Московского городского отдела постепенно была сведена на нет.

Спустя два года после освобождения от должности, в 1916 г., В.П. Гучкова ушла из жизни. А еще через два года, в ночь на 18 июля 1918 г. приняла мученический венец великая княгиня Елизавета Федоровна.

Список источников и литературы.

1. ЦИАМ. Ф. 457. Оп. 1. 48 д.
2. ЦИАМ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 11.
3. ЦИАМ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 18.
4. ЦИАМ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 30.
5. ЦИАМ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 44.
6. Анастасий, митрополит. Великая княгиня Елисавета Федоровна, новомученица российская // Великая Княгиня Елисавета Федоровна. Фотоальбом. М., 2009.
7. Егоров Б.Ф. Боткины. Преданья русского семейства. СПб., 2004.
8. Копятевич Т.А. Святая великая княгиня Елизавета. М., 2015.

9. Миллер Л.П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 2011.
10. Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012.

Дружинина Ю.В.

Кандидат исторической наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
ФГБОУ ВПО
«Новосибирский
государственный педагогический университет»

**СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Ключевые слова: Сибирь, сельская интеллигенция, методология, социальная активность

Востребованными среди отечественных и зарубежных исследователей являются проблемы, посвященные интеллигенции России. Актуальным остается вопрос и об изучении сельская интеллигенция Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Исследование интеллигенции в современной науке, как правило, осуществляется в рамках междисциплинарного подхода, который дает возможность осветить разные аспекты истории интеллигенции, способствует раскрытию поставленной в исследовании цели.

Целью данной статьи является характеристика методологического инструментария, применяемого нами при исследовании сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX века, процессов формирования исследуемой общности и ее социальной активности.

Отметим, что *объектом* изучения является сельская интеллигенция Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Термином «*сельская интеллигенция*» в данном случае обозначается общественный слой людей, проживающих в сельской местности; обладающих образованием и специальными знаниями в областях, необходимых для успешного демографического, экономического, культурного, духовно-нравственного развития деревни; профессионально занимающихся умственным трудом. *Предметом* исследования стали количественные (численность, половозрастная, территориальная, профессиональная структура) и качественные (уровень образования, социальный портрет с его поведенческой и коммуникационной составляющими) характеристики сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – на-

чала XX в. Они формировались и динамично развивались в условиях начального этапа модернизации традиционного общества, особенно ярко проявились в деятельности интеллигенции по созданию условий для модернизационных процессов на селе, по обеспечению эффективности этих процессов.

Теоретико-методологическим основанием нашего исследования является принцип историзма. *Историзм* – принцип, являющийся методологическим выражением саморазвития действительности в плане ее направленности по оси времени в виде целостного непрерывного единства таких состояний (временных периодов), как прошлое, настоящее и будущее [1, с. 314]. Поэтому западносибирская сельская интеллигенция рассматривается нами как динамично развивающаяся общность, которая с момента своего формирования постоянно изменяла свои качественные и количественные характеристики.

Принцип *системности* (подразумевающий, в частности, применение системно-структурного и системно-функционального подходов), ориентирует исследователя на раскрытие целостности сложного объекта, на выявление многообразных типов связей объекта изучения, сведение их в единую картину, раскрытие внутренних механизмов функционирования объекта [1, с. 198]. Сельская интеллигенция Западной Сибири рассматривается нами как неотъемлемая часть российской и региональной сибирской интеллигенции, имевшая сложный состав, но обладавшая в изучаемый период рядом единых качественных характеристик. Учет функциональной специфики умственного труда позволил определить социальные границы интеллигенции, выявить территориальные, профессиональные, квалификационные, демографические элементы ее структуры, обозначить их количественные и качественные параметры [2, с. 8–9]. Общность этих групп проявлялась в единых закономерностях их развития в конкретных исторических условиях, в сущностном сходстве задач их профессиональной и общественной деятельности, в их тесном межгрупповом взаимодействии.

Ориентация исследования на применение *междисциплинарного подхода* обусловила обращение к теоретическим выводам и обобщениям историков, социологов, культурологов, представленных в следующих теориях и концепциях.

Теория модернизации традиционного общества. Относительно темы диссертации приемлемо понимание модернизации как процесса, «посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные индустриальные» [3, с. 59]. Основные положения теории модернизации традиционного общества привлекаются отечественными специалистами при изучении истории в рамках как всей России (А. С. Ахиезер, Т. Ф.

Ермоленко, В. А. Красильщиков, Б. Н. Миронов, И. В. Побережников и др.), так и таких ее крупных регионов, как Сибирь (Ю. М. Гончаров, В. А. Зверев, В. П. Зиновьев, А. К. Кириллов, В. А. Скубневский, Т. К. Щеглова и др.). Применяется она, в частности, для изучения истории крестьянства Сибири (В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный и др.).

Ключевой для нашего исследования стала модель модернизационного анализа, предложенная историком И. В. Побережниковым, которую он определил как пространственно-ориентированную [3, с. 233–234]. Эта модель признает значимость «природно-географических условий как факторов модернизации», тесных взаимосвязей между общей (страновой) динамикой модернизации и динамикой региональной структуры. Реконструируя деятельность сельской интеллигенции Западной Сибири на рубеже XIX–XX столетий, мы опирались также на положение о том, что в процессе модернизации особая роль принадлежит социальным акторам, которые всегда обладают «возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства», что «индивиды и социальные коллективы должны рассматриваться в качестве конечных двигателей изменений» [3, с. 233]. Интеллигенция выступала катализатором, а в некоторых случаях и локомотивом, модернизационных процессов в исследуемой нами сельской местности.

Возникновение интеллигенции некоторые исследователи связывают с модернизационными процессами, произошедшими в стране в результате либеральных реформ второй половины XIX в. [4]. Считаем, что модель модернизационного анализа, предложенная И. В. Побережниковым, дает возможность достаточно эффективно отразить процесс формирования и развития сообщества сельской интеллигенции, охарактеризовать направления ее деятельности на заре модернизации в сибирской деревне. Формирование и пополнение данной общности происходило на протяжении всего исследуемого нами периода выходцами из разных общественных слоев, что свидетельствовало о переходных процессах в стране. Это положение позволяет проанализировать и понять направления деятельности интеллигенции, которая осваивала роль института социокультурной модернизации, выполняла роль транслятора инновационных знаний, образцов поведения в селе.

Актуальными для нашего исследования стали *теории идентичности*. Автором одной из востребованных теорий является английский психолог Г. Тэджфел. Он отмечал, что люди оценивают себя по объективным и осознаваемым критериям. В тех случаях, когда критерии недостижимы, наблюдается запуск механизма социального сравнения с другими. Тэджфел пишет, что «человеку для ощущения собственной ценности и целостности необ-

ходимо чувство принадлежности к группе, параллельно с которым возникает межгрупповая дифференциация». При этом, по мнению исследователя, социальное сравнение является механизмом, актуализирующим и развивающим социальную идентичность. Социальное сравнение трактуется как действия дифференциации собственной группы от чужой. Это происходит в результате оценивания членов своей группы по отношению к чужим. Социальная идентичность может быть как позитивной, так и негативной. Такая ситуация возникает в связи с тем, что членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой. Соответственно, одна из основных закономерностей в динамике социальной идентичности – это стремление человека, в зависимости от ситуации, к достижению или сохранению «позитивной социальной идентичности на основе благоприятных, социально значимых отличий своей группы от другой. Различные социальные миры влияют на индивидуальный способ видения мира и особенности поведения человека в них». В соответствии с этим существует «межличностный – межгрупповой континуум поведения человека». В первом случае, отмечает Г. Тэджфел, человек действует независимо на основе собственных критериев. Во-втором – индивид действует как член группы, выполняющий ее требования. Человек отождествляет себя с социальными категориями, как широкими (класс, раса, этнос, пол, вероисповедание), так и узкими (профессиональные группы, группы по интересам и т. д.). Эти категории определяют его статус. Для человека каждая из категорий означает членство в группе [5, 6, 7].

Теория идентичности, разработанная Г. Тэджфелом, актуальна для нашего исследования, так как предоставляет возможность исследовать процесс формирования идентичности сельской интеллигенции Западной Сибири исследуемого периода. Теория позволяет проанализировать профессиональную и общественную активность интеллигентов, их внутригрупповое взаимодействие, взаимоотношения с сельскими жителями и представителями власти с целью выявления общих поведенческих установок, моральных ценностей у представителей исследуемой социальной общности. Теория Г. Тэджфела дают возможность идентифицировать сельских интеллигентов как обособленную группу в сельском социуме, а также как составную часть интеллигенции Западной Сибири и России в целом.

При работе с текстами источников использовались следующие общенаучные методы исследовательской работы: *сравнение, анализ, синтез, описание, метод реконструкции, а также элементы контент-анализа*. Наряду с этим нашли применение следующие специально-исторические методы. *Проблемно-хронологический метод* использовался нами для разработки

структуры работы, при постановке задач, а также в качестве основы систематизации материала в историографическом разделе диссертации. *Историко-генетический метод* позволил выявить причинно-следственные связи, закономерности и многие конкретные детали процесса вовлечения интеллигенции в профессиональную и общественную деятельность в сельской местности, в том числе по распространению просвещения и сельскохозяйственных знаний. *Историко-типологический метод* в настоящей работе предполагает дифференциацию представителей сельской интеллигенции по ряду признаков: профессия, образование, социальное происхождение, вероисповедание, уровень доходов и пр.

Итак, востребованные нами методологические концепции при исследовании сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX – начала XX века взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. Синтез принципа историзма, принципа системности, концепции модернизации, теории идентичности, позволит более широко и подробно исследовать интеллигенцию обозначенного исторического периода, охарактеризовать ее качественные и количественные характеристики, направления профессиональной и общественной деятельности, а также исследовать внутригрупповые взаимоотношения интеллигентов и их взаимодействие с крестьянским населением деревенской местности.

Список литературы

1. Философия для аспирантов / Е. В. Золотухина, В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи. Изд. 2-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 448 с.
2. Осташко Т. Н. Функциональный подход к изучению интеллигенции // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.). Омск.: [б. и.], 1995. Т. 1: интеллигенция и многоликость культуры российской провинции. 2005. С. 8–9.
3. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М.: РОССПЭН, 2006. 237, [2] с.
4. Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/06.php (Дата обращения: 23.09.2015).
5. Tajfel H. Human groups and social categories. Cambridge.: University press, 1981. 369 p.
6. Агеев В. С. Социальная идентичность личности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (Дата обращения: 23.09.2015).

7. Матузкова Е. Универсализация понятия «идентичность» в социогуманитарном знании XX в: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://liber.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/3769/1/dialog15_165-174%2B.pdf (Дата обращения: 23.09.2015).

Драгола Л. В.

Кандидат психологических наук,
старший преподаватель
кафедры практической психологии
Черкасского национального университета
им. Б. Хмельницкого
г. Черкассы, Украина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ГЛУБИННОМ ПОЗНАНИИ ПСИХИКИ

Данное исследование выполнено в формате психодинамического подхода. Психодинамическая парадигма опирается на целостность психического в единстве его сознательных и бессознательных проявлений, что обуславливает поиск средств объективации бессознательных аспектов психики субъекта. Прямолинейная детерминированность бессознательного в процессе глубинного познания не является адекватной его природе, поэтому идет поиск методического инструментария контекстного познания характеристик психического в их целостности.

Метафоричность средств глубинного познания помогает субъекту в презентации латентного содержания психического не поддающегося вербализации. В данной работе раскрывается разносторонность использования метафорических форм (и средств) глубинного познания.

Термин «метафора» не является рабочей категорией в самой практике глубинного познания, которая воплощается в метафоричность материализованных форм самопрезентации субъекта, что способствует объективированию факторов дисфункциональных образований психики, к которым причастна система психологической защиты.

Раскроем специфику использования метафорических средств познания психического в процессе активного социально-психологического обучения [2; 3]. Представим также некоторые предпосылки использования метафорических средств, согласно методологическим требованиям психодинамического исследования:

– понимание целостности психического в противоречивом единстве сознательного и бессознательного;

– снижение эмоционального напряжения и тревоги субъекта в процессе глубинного познания благодаря метафоризации исходных позиций процесса познания (лепка, рисунок и т.п.);

– метафоричность средств глубинного познания способствует объективированию подлинной реальности психики респондента. Динамика процесса – «от визуализации – к вербализации»; «от опосредованности – к непосредственности»; «от дискретности – к аналитической синтезированнойности, способствующей вторичной интеграции психики на более высоком уровне»;

– интерпретация «метафор – самопрезентантов» в процессе АСПО предполагает не только диалогическое взаимодействие с респондентом, но и дополнение метафоричности самопрезентантов субъекта другими визуализированными средствами самовыражения (неавторские (классические) рисунки, лепка, модели из камней), что способствует познанию сущностных смыслов психического в их системной упорядоченности и энергетической направленности. Последнее входит в задачи глубинного исследования психики в ее целостности (сознательное – бессознательное. Таким образом, глубинное познание психического в целостности сфер сознания и бессознательного характеризуется метафоричностью приемов самовизуализации своего «Я», значимых ситуаций и чувств респондента [1].

Метафоризация смысловой нагрузки спонтанной активности субъекта присуща и авторским рисункам, выполненным респондентом при условии спонтанности и произвольности рисования. Особенную эффективность выявила методика психоанализа комплекса тематических рисунков [4], которая предполагает выполнение одним и тем же лицом 33-38 тем рисунков, которые охватывают самые разные стороны жизнедеятельности человека: семью, друзей, саморефлексию отношений – в семье, на «службе»; саморефлексию собственных состояний и т.п.. Учитывая системную упорядоченность психики, тематическое многообразие комплекса способствует целостности объективирования самых разнообразных ее сторон.

Метафоричность рисунков интегрируется с архетипностью их символики, с выраженностью разновидностей механизмов символизации – сгущение, смещение, намек, локализация, использование дистанции, приемов передачи внутреннего и внешнего, и др. Таким образом, в рисунках происходит одновременно как маскировка смысловыражения так и его выражение. При этом познание существенного содержания психики предполагает диалогическое взаимодействие психолога с респондентом, в котором происходит «оживление» как рисунка, так и любых других способов самопрезентации субъекта. На авансцене находится системно-диалогический процесс,

сориентированный на проникновение в имплицитную сущность механизмов детерминации психического в его целостности с использованием респондентом визуализации содержания собственной психики.

Наряду с психоанализом комплекса тематических рисунков используется прием «одушевления предмета» (это может быть игрушка, скульптурка и т.п.), что применимо при любых методиках глубинного познания и актуализации саморефлексии. Учитывая системную упорядоченность психического, не менее важным является синтез результатов метафоричной самопрезентации в процессе обобщения глубинно-познавательного поведенческого материала респондента через встановление ассоциативных взаимосвязей, позволяющих обнаружить логическую упорядоченность психики на уровне сознания и бессознательного.

Таким образом, использование метафорических средств в глубинном познании психики, является актуальным и требует дальнейшей теоретической обоснованности и инструментальной разработки. В психокоррекционном процессе метафора служит стимулом самопознания, открывающим перспективы проникновения в глубины психики. Метафора способствует уменьшению и упреждению сопротивлений субъекта процессу самопознания и создает необходимую материализованную платформу (трансфер) для объективирования целостного феномена психики в единстве его сознательных и бессознательных проявлений. Все это происходит благодаря нивелированию сопротивлений и диалогическому взаимодействию, подчиненному законам положительной дезинтеграции и вторичной интеграции психики на более высоком уровне психического развития субъекта.

Литература.

1. Драгола Л. В. Метафоричність у системі глибинного пізнання психічного майбутнім практичним психологом: дис. канд. психол. наук : 19.00.07 «Вікова та педагогічна психологія» / Л. В. Драгола. – Харків, 2013. – 343 с.
2. Яценко Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика / Т. С. Яценко. – К.: Вища школа, 2006. – 382 с.
3. Яценко Т. С. Психологічні основи групової психокорекції. / Т. С. Яценко. – К.: Либідь, 1996. – 264 с.
4. Яценко Т. С., Кмит Я. М., Мошенская Л. В. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков (глубиннопсихологический аспект). / Т. С. Яценко, Я. М. Кмит, Л. В. Мошенська. – М.: СИП РИА, 2000. – 211 с.

Гончарова Н. О.

кандидат психологічних наук, доцент кафедри психології
Полтавського національного педагогічного університету
імені В. Г. Короленка

ЕТАПИ СТАНОВЛЕННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ КАР'ЄРИ МАЙБУТНЬОГО ВЧИТЕЛЯ

Ключові слова: кар'єра, проектування кар'єри, кар'єрний розвиток, професійне становлення майбутніх учителів.

Key words: career, planning of career, quarry development, professional becoming of future teachers.

Особливої значущості на сучасному етапі набуває питання розвитку професійної кар'єри молоді людини, пошук, вибір та оволодіння професією. Професійне становлення особистості у соціально-психологічному плані представляє собою досить складний, тривалий, динамічний та багатоплановий процес, оскільки соціально-економічні зміни, які відбуваються в нашій країні, висувають нові вимоги щодо підготовки майбутніх учителів.

Так, проводилися психологічні дослідження щодо: механізмів кар'єрного процесу (Д. Холл, О.С. Гусев та ін.), управління кар'єрою персоналу в організації (Д. Холл, Е. Шейн, А.Я. Кибанов та ін.), факторів, що сприяють розвитку персональної кар'єри (А.О. Деркач, Є.О. Могильовкін, М.В. Сафонова та ін.), розвитку особистості у процесі кар'єри (А.О. Деркач, А.К. Маркова, О.Г. Молл, Д.Е. Сьюпер та ін.), кар'єрних цілей (О.С. Гусев, К.В. Кисельова), гендерні аспекти у побудові кар'єри (М.В. Сафонова, О.Л. Поминова).

Здатність людини будувати проекти стосовно педагогічної діяльності привертають увагу багатьох учених, так як від їх достовірності залежить ефективність професійної діяльності, якість навчання та виховання підростаючого покоління (Б.С. Гершунський, О.С. Заір-Бек, І.В. Бестужев-Лада, Н.В. Кузьміна, Л.В. Лежніна, В.О. Лисичкін, Л.О. Регуш, Л.Л. Тузов та ін.).

Професійне становлення особистості відображає особливості процесу вибору, визначення майбутньої професії, а також розвиток комплексу професійно важливих якостей, тобто процес формування професіонала.

Здатність до професійного проектування починає формуватися на етапі вибору професії. Досить сильно впливає на розвиток даної здібності

саме етап професійної підготовки, так як студентський «вік є сприятливим для формування здатності до проектування» [3].

Період навчання у вищому навчальному закладі – це етап життєвого циклу, що завершує перехід до дорослості. На цьому етапі особистість приймає низку важливих рішень, які стосуються вибору місця професійної діяльності та створення сім'ї, стилю життя та конкретних завдань на майбутнє, корегування ціннісних орієнтацій у співвідношенні з новим дорослим статусом та новими життєвими планами. Вибір власної життєвої стратегії є необхідною складовою прогнозування кар'єри. Тому молодій людині необхідно саме під час навчання у виші визначити власні пріоритети [1].

Проектування особистості на етапі професійної підготовки майбутнього педагога здійснюється як процес, що дає можливість вибудувати свою особистість, до якої людина буде прагнути, визначається також домінуюча роль суб'єктивного фактора, тобто усвідомленої цілеспрямованої діяльності людини, що спирається на здатність обирати, визначати орієнтири свого розвитку та шляхи досягнення своїх цілей. Тому виділяють етапи становлення професійної кар'єри [4; 5]:

– **попередній етап** включає навчання у школі, середню та вищу освіту і продовжується до 25 років. За цей період людина може змінити декілька робіт у пошуках того виду діяльності, який би задовольняв її потреби та відповідав можливостям;

– **етап становлення**, який триває приблизно п'ять років від 25 до 30 років. У цей період працівник засвоює обрану професію, набуває необхідних навичок, формується його кваліфікація, відбувається самоствердження та з'являється потреба у незалежності. Зазвичай у цьому віці створюються і формуються сім'ї, тому з'являється бажання отримувати заробітну платню, рівень якої був би вищий за пожиточний мінімум;

– **етап просування** зазвичай припадає на 30-45 років. У цей період йде процес зростання кваліфікації, працівник просувається службовими сходинками. Накопичується значний практичний досвід, набуваються навички, зростає потреба у самоствердженні, досягненні вищого статусу та більшої незалежності, починається самовираження працівника як особистості;

– **етап збереження** характеризується діями щодо закріплення досягнутих результатів і триває від 45 до 60 років. Наступає пік удосконалення кваліфікації та її підвищення у результаті активної діяльності й спеціального навчання. Працівник зацікавлений передавати свої знання молоді. Цей період характеризується творчим самовираженням, можливий підйом на нові службові сходинки;

– **етап завершення** триває від 60 до 65 років. Працівник починає готуватися до виходу на пенсію. У цей період йдуть активні пошуки відповідної заміни та навчання кандидата на заміщення вакантної посади. Цей період характеризується кризою професійної кар'єри;

– **пенсійний етап** – на цьому етапі кар'єра у певному виді діяльності завершується. З'являється можливість для самовираження в інших видах діяльності, які були неможливі у період роботи або виявлялися як хобі (живопис, садівництво, робота у суспільних організаціях).

У зв'язку з цим студенту педагогічного навчального закладу від самого вступу та до його закінчення необхідна професійна підтримка у підготовці до кар'єрного зростання, враховуючи всі особливості майбутньої професії й готовність особистості до професійної діяльності [2].

Таким чином, розвиток здатності до проектування кар'єри студентів є важливою умовою досягнення професіоналізму. Кар'єрне проектування виступає як максимальне розкриття і реалізація професійного потенціалу особистості в процесі проходження різних етапів та рівнів організаційної структури.

Список використаних джерел

1. Богдан Н.Н., Могилевкин Е.А. Технология карьеры: учеб. пособие / Н.Н. Богдан, Е.А. Могилевкин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – 156 с.
2. Гончарова Н.О. Психологічні особливості прогнозування кар'єри студентів / Н. О. Гончарова // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С.Костюка. – Том 11. – Психологія особистості. Психологічна допомога особистості. – Вип. 8. – Частина 1. – Київ, 2013. – С. 236-242.
3. Жуина Д.В. Планирование и развитие карьеры студентов педагогического вуза / Д.В. Жуина // Гуманитарные науки и образование. – № 2(6). – С.82-85.
4. Максименко С.Д., Щербак Т.Д. Професійне становлення молодого вчителя: Навч. посібник / С.Д. Максименко, Т.Д. Щербак. – Ужгород: Закарпаття, 1998. – 105 с.
5. Мордвинцев Л. Планирование карьеры / Л. Мордвинцев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 208 с.

Харченко А. С.

кандидат психологічних наук,
доцент кафедри психології
Полтавського національного
педагогічного університету
імені В. Г. Короленка

ПСИХОЛОГІЧНИЙ ПОРТРЕТ ОСОБИСТОСТІ МАЙБУТНЬОГО ВЧИТЕЛЯ

Ключові слова: особистість майбутнього вчителя, психологічний портрет особистості, професійна спрямованість, комплексна програма вивчення особистості майбутнього вчителя.

Keywords: personality of the future teacher, psychological portrait of personality, professional orientation, complex program of research of personality of the future teacher.

Генерація сучасних студентів характеризується сукупністю певних особистісних особливостей. На думку Є. А. Подольської і П. А. Назаркіна, у ході трансформації усіх сфер життя в Україні виразно виявляється відчуження молоді від продуктивної праці. Для багатьох молодих людей праця втратила значення засобу самореалізації, самоствердження [5].

Професія вчителя висуває підвищені вимоги як до особистісних, так і до професійних якостей. Як виявилось в результаті нашого дослідження, у сучасному освітньому просторі відчувається дефіцит психологічного ресурсу особистості педагога. У дослідженнях психологів часто поза увагою залишає комплексна характеристика особистості студента-майбутнього вчителя, яка має містити найбільш повний якісний опис його особливостей та можливих вчинків за значущих обставин, що й складе його психологічний портрет. Проте, А. О. Нефедьєва підкреслює: «... Портрет сучасного студента у виші необхідно розглядати як багатогранну, динамічну, сприйнятливую, креативну, заповзятливу особистість, доволі амбітну, яка не боїться ризикувати й постійно знаходиться в русі і в пошуках нового» [3, 204].

Т. І. Вожеєвська [2] виявила такі найбільш виражені особистісні риси студентів педагогічного університету, як товариськість, працездатність, емоційну зрілість, щирість у відносинах з людьми, активність, життєрадісність,

дипломатичність, добросовісність, практичність, перевагу працювати й приймати рішення разом з іншими людьми, що є позитивним для оволодіння педагогічною діяльністю.

Проте, вивчаючи розвиток особистісних якостей студентів педагогічних спеціальностей, І. Ю. Єлькіна [4] встановила, що більшість студентів має недостатньо високий рівень розвитку емпатії, рефлексії, самоприйняття і спрямованості на взаємодію. Крім того, більша частина студентів слабо володіє комунікативними функціями (впливу, організації, передачі інформації) та комунікативними вміннями. Також Н. М. Фалько [8] було виявлено, що у значній кількості студентів психолого-педагогічних спеціальностей існують проблеми особистісно-професійного становлення і професійного розвитку, зокрема: адекватності самооцінки, емпатії, проблеми ставлення до свого «Я», проблеми, пов'язані із здатністю до самоуправління, мотиваційної орієнтації в міжособистісних комунікаціях, саморозвитком у професійно-педагогічній діяльності, проблеми, пов'язані з комунікативною соціальною компетентністю, виявом почуття громадянського обов'язку, проблеми усвідомлення вибору професії і розуміння важливості розвитку себе не тільки як фахівця, а й як особистості, розуміння важливості особистісних і психологічних аспектів саморозвитку.

Вивчаючи розвиток особистісної зрілості майбутнього вчителя у процесі професійної підготовки, О. В. Темрук [7] виявила, що більшість студентів мають на початковому етапі навчання незадовільний та задовільний її рівні, і ці показники впродовж навчання практично не змінюються.

О. Є. Алексеєва [1] склала «портрет» майбутнього педагога у порівнянні з майбутнім психологом: 1) на індивідуальному рівні: повільніше реагує на зорову і словесну інформацію, менше потребує рухової активності, при цьому більше здатний протистояти нестачі кисню в організмі за рахунок вольових зусиль; 2) на темпераментальному рівні: менш емоційно стійкий в стресових ситуаціях, більше схильний до неадекватних емоційних реакцій і високої конфліктності, важче переключається з одного предмета на інший, більше чутливий до невдач в діяльності і в комунікативній сфері; 3) на характерологічному рівні: менше емоційно стабільний, більше схильний до невротичних тенденцій у поведінці і до сприйняття великої кількості ситуацій як загрозливих. Крім цього майбутні педагоги порівняно з майбутніми психологами, маючи чутливість і чуйність до оточуючих, більше схильність до порушень в емоційній сфері.

Сучасний студент педагогічного вишу розглядається нами як особистість, яка не тільки має професійні знання і вміння, а й здатна твор-

чо мислити, розуміти психіку інших людей, виявляти до них любов і повагу, уміти відчувати настрій дитини, її внутрішній світ, поважати гідність дитини як особистості, здатна до саморозвитку. Проте, у дослідженнях психологів виявляються суперечливі дані стосовно розвитку певних особливостей особистості студентів педагогічного вишу, що вимагає проведення подальших досліджень цієї проблеми. На нашу думку, в основу комплексної програми вивчення особистості майбутнього вчителя можуть бути покладені концепція тривимірної, поетапно конкретизованої психодіагностичної структури особистості, за В. В. Рибалкою, а також запропонована ним програма «Особистість XXI століття» [6].

Список використаних джерел

1. Алексеева Е. Е. Сравнительный анализ типологических особенностей будущих педагогов и будущих психологов на индивидуальном, темпераментальном и характерологическом уровнях / Е.Е. Алексеева // Научный диалог. – 2012. – Вып. № 11. – С. 8-22.
2. Вожиевская Т. И. Когнитивное и личностное развитие студентов педагогического вуза / Т. И. Вожиевская // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2008. – Вып. № 5. – С. 100–105.
3. Нефедьева А. А. Психологический портрет современного студента в образовательном процессе / А. А. Нефедьева // Вестник науки и образования. – 2015. – № 4 (6). – С. 201-204.
4. Елькина И. Ю. Развитие личностных качеств студентов педагогических специальностей как базового компонента коммуникативной культуры: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. психол. наук: спец. 19.00.07 «Педагогическая психология» / И. Ю. Елькина. – Нижний Новгород, 2012. – 25 с.
5. Подольская Е. А. Современный студент: портрет на фоне постмодернизационных изменений / Е. А. Подольская, П. А. Назаркин // Вісник Одеського національного університету. – 2013. – Т.18. – Вип. 2(2). Соціологія і політичні науки. – С. 390–396.
6. Рибалка В. В. Теорії особистості у вітчизняній психології та педагогіці: Навчальний посібник / Валентин Васильович Рибалка. – Одеса: Букаєв Вадим Вікторович, 2009. – 575 с.
7. Темрук О. В. Розвиток особистісної зрілості майбутнього вчителя у процесі професійної підготовки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: спец. 19.00.07 «Педагогічна та вікова психологія» / О. В. Темрук. – Київ, 2006. – 21 с.

8. Фалько Н. М. Психологічні особливості особистісно-професійного становлення студентів психолого-педагогічних спеціальностей: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: спец. 19.00.07 «Педагогічна та вікова психологія» / Н. М. Фалько. – Харків, 2009. – 19 с.

Скворцова Н.В.

Аспирант кафедры философии,
социально-политических и правовых наук
«Донбасского государственного педагогического университета»

ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА.

Статья посвящена рассмотрению особенностей топологии мышления в философских взглядах Ж.Делеза. Показан кризис современной эпохи и общества под влиянием власти и информационных воздействий. На основе проведенного анализа установлено, что исследование нелинейного мышления является основным в науке будущего.

Ключевые слова: топология, нелинейное мышление, кризис, сознание.

Keywords: topology, nonlinear thinking, crisis consciousness.

Путем эволюционного развития рост человеческого сознания направлен экспоненциально вверх. Особо стремительным такой рост является в последнее время под действием большого объема информации, поглощающей все общество в целом. Кризис, в который попала наша эпоха, приобретает глобальные масштабы и охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Наука оказалась беспомощной перед поставленной проблемой. Стоя на пути безусловной объективности и однозначной определенности, она отошла от жизни с ее непредсказуемостью, неустойчивыми связями и нестабильными структурами.

Ученые полагают, что коренная трансформация в жизни общества связана с переходом от преобладания традиций к преобладаниям инноваций. Особую важность заслужило превращение рациональной унитарной культуры в креолизацию глобальной культуры, переход от единства к раздробленности и флуктуациям. Непрерывная текучесть мировых процессов привела к невозможности полного описания его целостности. С каждым днем потоки информации и технологические новшества влияют на формирование сознания общества в целом и его отдельных лиц. Таким образом, постепенно сформировалась среда, которая дала толчок зарождению нелинейного мышления.

По мнению исследователей, принципы онтологии для новой системы мышления потеряли свою актуальность, и она все более стала напоми-

нать многослойную топологическую конструкцию. Онтология рассматривает лишь внутреннюю сторону мышления без лакун и впадин. При этом она оперирует всей плоскостью бытия в качестве единого пространственного континуума. В отличие от последней, топология по-другому рассматривает процессы мышления. Она содержит в себе все его скрытые неоднородности, состоящие из пробелов в восприятии и герметического характера познаваемого. По словам В.Б. Окорочкова: «Именно в области топологического мышления становится ясной роль социологии и психологии, в этой области раскрывается суть коммуникативной философии и прагматики, герменевтики и лингвистики, пытавшихся рассмотреть и зарегистрировать еще в рамках поля классической философии трансляцию «знания» или его различные девиации» [7, с. 4].

Таким образом, в XX в. мышление стало носить характер нестабильности, в человеке содержатся свойства амбивалентности, которые стремятся как к добру, так и ко злу. Знание, в определенную эпоху, зависит от социальной механики исторического процесса и не может быть основано на своей внутренней составляющей. В 60-70-х гг. в социально-психологическом мировосприятии средних слоев населения произошел коллапс, заставивший пересмотреть многие традиционные принципы. Это способствовало возникновению новой системы описания протекающих процессов. Поскольку онтология описывает лишь внутреннюю составляющую мышления, она не способна включать в себя его внешние параметры.

Эпоха постмодернизма обладает стохастичностью и текучестью социальных преобразований. Она исключает возможность теоретизирования общества. В связи с этим, современным исследователям, которые занимаются данными проблемами, необходимо прибегнуть к значительным коррективам. Возникает необходимость определения «форм», в которых нестабильные процессы приобретают значение константы.

Одним из представителей философии постмодернизма, который занимался проблемами неоднозначности современного мышления, является Ж. Делез. В его понимании, суть философии заключается в дифференциации образов вещей и явлений, которые до этого представляли единую целостную структуру, а также в их различном сотворении еще до восприятия человеком. Мыслитель полагал, что в процессе философствования вся сила должна быть направлена на противостояние всем воплощениям власти, в ее всепоглощающей критике. Для полноценного сопротивления власти необходимо к отношению сил прибавить отношение к себе. Под данным пунктом подразумеваются произвольные этические и эстетические правила, которые в любом

существовании видят произведение искусства и составляют стиль жизни.

Роль позитивного утверждения и оппонирования нигилистическому государственному строю отводится понятию «номадического мышления», которое не тождественно ни объекту, ни субъекту в связи с тем, что оно воплощает суперпозицию воздействующих сил. «Рассматривая противостояние двух видов мышления на уровне топологии, – пишет А.А. Грицанов, – Делез указывает, что пространство номадических потоков представляет собой гладкую «поверхность» с возможностью движения в различных направлениях, означающей наличие множества вариантов развития. В свою очередь, пространство государственного мышления является неровным, с четко выраженным рельефом, который ограничивает движение и задает единый путь для потоков желания» [2, с. 22-23].

Философ видит современную жизнь таковой, что оказавшись перед лицом наиболее механических, стереотипных повторений вне нас и в нас самих, мы не перестаем извлекать из них небольшие различия, варианты и модификации. И наоборот – тайные, замаскированные, скрытые повторения восстанавливают в нас и вне нас голые, механические, стереотипные повторения. В симулякре повторение уже нацелено на повторения, различие – на различия. Именно повторения повторяются, различающее различается. Цель жизни – добиться сосуществования всех повторений в пространстве распределения различия [3, с.9-10]. Таким образом, современный мир является перед нами в виде мира симулякров. Тождества являются ничем иным как иллюзией иной игры – игры различия и повторения. Симулякр стирает какие-либо привелигированные взгляды на вещи и структурную иерархию. Подобие создает фантазмы-симуляци и, таким образом, приобретает внешние качества симулякра. Власть симуляции заключается в воссоздании знаков или эффектов, которые указывают на трансформацию.

Для Делеза все мыслительные процессы представляют особую топологическую реальность, а смысловой поверхностью вещей является субъективность. Топологическая картинка данной поверхности состоит из рельефов, складок смыслов в виде флуктуаций и аттракторов малых перцепций субъективности. «Мышление не зависит от прекрасной интерьерности, которая соединяла бы зримое и высказываемое, – пишет философ, – но происходит в результате вторжения чего-то внешнего, что углубляет промежуток между ними и взламывает, расчлняет их внутреннее» [5, с. 117]. Таким образом, субъект, благодаря своим внутренним потенциям, неспособен к интеграции с внешним миром. В некотором роде, данный процесс возможен только при участии власти, которая вырисовывает «общую линию силы» [там же, с. 104].

Сама мысль есть сложной волновой функцией с ее скачками в допустимых пределах. При достижении некоторой пороговой черты восприятия появляются смыслообразующие «пики». Мысль и сознание образуют суперпозицию малых перцепций, которая достигает границ осознания. Смысловое значение воплощает в себе резонанс пик и гребней малых перцепций. Сознание скользит по поверхности мышления, мышление же занимает глубинную область.

Только две определенности ограничивают Делезону поверхность: высота и глубина. Е.А. Маковецкий писал о том, что поверхность нуждается в глубине, и первым поверхностную трансформацию терпит тело, которое в последствии трансформируется в эффект. Тело редуцируется до желания и смерти и на поверхности превращается в машину желания. Человек, вводимый в эту машину через свое тело, становится предметом непрерывной объективации: объективируется, отчуждается все, пока он не превращается в набор качеств, способностей, машину желания. Парадокс поверхностной поверхности заключается в том, что человек, по сути, не имея в своем распоряжении ни своего тела, ни желания, ни смерти, не знает ни тела, ни желания, ни смерти Другого; на этом основании появляется иллюзия полного владения собой [8, с.58].

Динамика мыслительного процесса обеспечивает непрерывность сознания. Конфигурация смыслов зависит от траектории мыслительного процесса и создает фигуру последнего. Субъект является результатом выполняемого движения и прекращает быть данными эмпирического опыта. Например, восприятие собственного «Я» является минимальным, необходимым значением для самоосознания. По словам Е.В. Агафоновой, любой образ «Я», фактически, сама возможность понимания «Я», неразрывно связаны с языковыми практиками, используемыми людьми для придания смысла своим и чужим действиям и поступкам. Без языка нет сознания, нет и жизненного мира человека, более того, как сознание, так и сам социальный мир человека детерминированы языковыми структурами. Акт самопознания, саморефлексии ... связан с проблемой репрезентации: процесс формирования своей жизненной истории, обретение собственной целостности и устойчивости состоит в способности выражения своего «Я» для других [1, с.385].

Рассматривая мысль как объективное явление, она может характеризоваться как некое состояние среды, разновидность интенсивностей, определенное резонирование, функция пробега перцепций. В случае, когда субъективность или сознание можно представить пространственным образом, оно выглядит как некая область, конфигурация, интерференция бессознательных

перцепций. В случае же, когда сознание является энергетическим образом, оно имеет вид следа пробега волны интенсивностей. Таким образом, мысль является некой складкой.

По мнению С.В. Комарова, то из чего зарождается сознание, является внешним по отношению к мысли. Под внешним подразумевается сила, подталкивающая к жизни мысль, или само бытие, характеризующая Делезом как Идея. «Идея, по Делезу, ... есть дифференциал, минимальное различие самого бытия. – Пишет Комаров, – Делезовская конструкция виртуального и актуального, идеального и реального, и призвана подчеркнуть онтологический статус Идеи. В своей актуализации, Идея есть передача принуждения, т.е. пороговая интенсивность для осуществления мысли на поверхности сознания. Нет силы принуждения и необходимой энергетики различения для осуществления мысли, не произойдет и резонирование малых перцепций, и мысль не осуществиться как мысль» [6, с. 432].

У Делеза созвучие Бытия и мышления реализуется как топологическое сосредоточение внешнего до преобразование его во внутреннее. Процесс движения мысли от внешнего к внутреннему, для разворота его во внешнее, является онтологическим слиянием с Единым. Таким образом, мысль трансформируется в складку бытия и приобретает качества внешнего, пограничного, касательно самого процесса мышления, а «топологическим оператором мышления является граница, точка или линия перегиба» [там же, с. 433]. Итак, в философии Делеза сосредоточено множество элементов топологии: линии, формы, точки, поверхности. Мыслитель находит им подобие в многослойной сфере мышления.

Говоря о складках или сгибах в труде «Складка. Лейбниц и барокко», Делез относит их к понятию души. Именно она всегда включает постигаемое ею со своей точки зрения, т. е. инфлексию. Инфлексия является идеальностью, или виртуальностью, которая актуально существует лишь в «обволакивающей» ее душе. Из этого следует, что сгибы имеет именно душа, она наполнена ими. Сгибы находятся в душе, и актуально существуют только в ней. Они воплощают «врожденные идеи»: это чистые виртуальности, чистые потенциалы, чье действие проявляется в составе или задатках (сгибах) души, и чье завершенное действие состоит в каком-либо действии, совершающемся в душе (внутренний разгиб). Подобное суждение, по словам Делеза, справедливо и для внешнего мира: весь мир – не что иное, как виртуальность, существующая актуально лишь в сгибах, выражающей его души, ибо душа действует благодаря внутреннему разгибу, посредством которого она составляет представление о включенном в нее мире [4, с.41].

В философских взглядах Делеза видна четкая граница между сознанием классическим и неклассическим. Основа первого заключается в привычке мыслить «штампами», с помощью повторений или тождеств. Оно даже не находится в сфере самого мышления, а лежит за его пределами и формирует другую область пространства. Основа второго заключается в различении, расщеплении и формирует собой область непосредственного мышления. Однако, из-за манеры мыслить посредственно, оно является герметичным и сосредотачивает себя в плоскости письма или текста. Вслед за Деррида, Делез разделяет классического или исторического и современного человека, проводит черту между индивидуальным и социальным в человеке. Философ очерчивает плоскости, внутри которых осуществляется дискретность классического (онтологического) мышления.

Деконструкция стоит на том, что герметические, закрытые структуры не могут больше работать в классическом ключе. Они функционируют благодаря своей собственной совокупности ценностей. Их индифферентность оказывается эфемерной.

Из всего сказанного следует, что постклассическое бытие представляет человека как сингулярность, искажающая топологию бытия. Мышление предстает в новом ключе, в виде топологических структур, которые не даны классической онтологии. Не подлежит сомнению трансформация линейного образа мышления в сложный, нелинейный, неподдающийся вероятностному описанию.

Топологическое, нелинейное мышление направлено на управление бифуркационными процессами. Точку такого состояния сознания можно охарактеризовать как критическую, при которой происходит акт познания герметического, тайного, сокрытого до настоящего момента.

Таким образом, переход от онтологического мышления к топологическому происходит как качественный скачок на новый уровень восприятия мира, что связано с возникновением новой семантики. Замена старых знаний новыми происходит стихийно, скачкообразно. Речь не идет об абсолютном разграничении со старыми знаниями, новые знания содержат в себе прежние понятия и занимают место основополагающих семантических единиц. В новой теории их смысл неизменен, переменными являются границы применимости, смысловая конфигурация и роль в составе новой теории.

Литература.

1. Агафонова Е.В. Топо(идео)логичность сознания и выстраивание нарративного образа «Я» / Е.В. Агафонова. – Философия сознания: классика и

- современность: Вторые Грязновские чтения. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – с. 385-390.
2. Грицанов А.А. Жиль Делез / А.А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 320 с.
 3. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
 4. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делез. – М.: Логос, 1997. – 264 с.
 5. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.
 6. Комаров С.В. «Топология субъективности» Ж. Делеза / С.В. Комаров. – Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. – М.: Издатель Савин С.А., 2007. – с. 431-434
 7. Окорочков В. Б. Метафізика епохи трансцендентального мислення: специфіка, сутність і тенденції розвитку: Монографія / В. Б. Окорочков. – Д.: Вид-во Дніпропетр. Ун-ту, 2000. – 264 с.
 8. Маковецкий Е.А. Социальная аналитика ритма: Жиль Делез, или О спасении / Е.А. Маковецкий. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2004. – 176 с.

Муляр В. І.

доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри гуманітарних і соціальних наук
Житомирського державного технологічного університету

ДЕЩО ПРО ВІРТУАЛЬНЕ

Ось уже кілька десятиліть зі шпальт наукових творів, публіцистичних і популярних видань не сходить термін «віртуальне». З того часу, як вийшли друком перші наукові дослідження явища віртуальності, цей термін набув неабиякої популярності і вживаності. Сьогодні масова свідомість настільки глибоко укорінилася у віртуальному, що уявити сучасне життя без вказаного феномена майже неможливо. Ми легко і безпечно граємо різні ролі у віртуальному світі, віртуальних комунікаціях, віртуальних товариствах, врешті у віртуальній реальності. При цьому, не задумуючись, віддаємо належне часу, епосі, яка, як ми нерідко впевнені, саме і породила віртуальне як таке.

Якщо ж говорити про аналітичний розум, то він, зазвичай, сприймає віртуальне як будь-яке критичне мислення. Спробую і я долучитися до цього. Насамперед, скажу, що аналіз будь-якого феномену буття з позиції філософської методології – це, насамперед, певна послідовність питань, не давши адекватної відповіді на які, не можна сказати чогось конкретного про цей феномен. Зважаючи ж на те, що філософія, за великим рахунком, є, по суті, наукою про зміст понять, перше з таких питань, безсумнівно, стосується походження терміну. Тут дозволю нагадати, що віртуальне має латинське походження (*virtualis*) і перекладається як можливе, яке може і повинно проявитися [2, с. 84]. Якщо ж звернутися, наприклад, до англійської мови, то побачимо велике розмаїття варіантів з одним коренем. Зокрема, *virtual* – 1. фактичний, дійсний; 2. можливий, віртуальний, гаданий, передбачуваний; 3. уявний; 4. ефективний; *virtuality* – 1. суть, сутність; 2. можливість, потенційність, віртуальність; *virtually* – фактично, реально, по суті, насправді; *virtued* – 1. добродієсний; 2. сильний, ефективний, дійовий, діючий [1, с. 639]. Приблизно таку саму картину перекладу і тлумачення терміна “віртуальне” дають і інші джерела. Якщо все наведене синтезувати, то можна стверджувати, що віртуальне – це, з одного боку, реальне, діюче, фактичне тощо, з іншого – можливе, спроможне, здатне, гадане, передбачуване, потенційне, уявне тощо. В жодному тлумаченні чи перекладі ми не знаходимо, що віртуальне – це

потоїбичне, непредметне і т. д. Це означає, що віртуальне потрібно розглядати як органічний вимір людського буття, як реальність, що може бути у будь-якій формі існування, починаючи від ідеальних і закінчуючи предметними формоутвореннями культури.

Післятакого висновку стосовно понятійного змісту явища віртуального наступним кроком його усвідомлення, безсумнівно, є постановка питання про те, що лежить в сутності віртуального, а значить, які рамки його буття, насамперед у часовому вимірі? Іншими словами: віртуальне – це ознака нашої епохи чи воно – суть людської діяльності взагалі? Для цього питання поставимо ще простіше. Чи можемо ми стверджувати, що віртуальне суспільство було 500 років назад? Для отримання відповіді ми маємо знайти дві складові: джерело віртуальності і засоби віртуальності. Тоді наша відповідь має бути ствердною. Адже джерелом віртуальності і 500, і 1000 років назад і практично усе свідоме життя людини як такої була її здатність як родової істоти виходити за межі наявного буття, насамперед, у сфері духовного, а потім і предметно-практичного. Тому віртуальну реальність потрібно розглядати як сутнісну властивість людини як істоти. Можливість творити і жити у віртуальній реальності зумовлена самою людською природою як істоти, котра наділена здатністю виходити за наявне буття саме тому, що від природи наділена творчістю як універсальним способом такого виходу. Фактично людина як істота, персоніфікуючись на рівні будь-якого одиничного індивіда і здійснюючи власну діяльність за законами людського як такого, майже ніколи не перебуває лише “тут”, вона одночасно знаходиться і “там”, в образі того, чого вона прагне досягти. І немає значення, яка предметна реальність виступає в даному разі в ролі образу як мети: матеріальна чи духовна. Таким чином, людина за своєю природою завжди є одночасно і реальною, і віртуальною як можливою, як ймовірністю. Чи були засоби віртуальності 500 років назад? Безумовно, були! Не такі як сьогодні, але були. Музика, мистецтво в цілому, уся предметно-практична інфраструктура – засоби переводу творчих задумок (як виходу за межі наявного) у предметне поле культури.

В цьому контексті постає наступне питання. Чому 500 або 1000 років назад не говорили про віртуальне, а лише сьогодні. Для цього потрібно знайти критерії розрізнення стадій віртуальності в різні історичні епохи і показати, що сучасна епоха – це епоха тотальної віртуалізації. І відповідь ми знаходимо: сучасна епоха породила могутні засоби віртуалізації, відкривши необмежені можливості інформації. Саме тоді, коли людство вступило в епоху інформаційного суспільства, з'явилися реальні засоби тотального поширення симулякра як механізму віртуального. Ось чому віртуальне суспільство

органічно пов'язане з всесвітньою мережею, мережесним простором, симулякризацією практично усіх сфер суспільного та індивідуального життя сучасної людини, яку поступово називають віртуальною людиною.

Треба розуміти, що віртуальна людина – це не якась нова людина, це – новий спосіб буття. Сучасна людина – це, власне кажучи, суб'єкт дії, який постійно діє в умовах і реального світу, і віртуального світу. В реальному світі людина діє відповідно до законів цього світу, насамперед його предметності, у віртуальному – відповідно до його законів – симулякризації, тобто поступового процесу поширення симулякрів – образів, знаків, символів і т. д., які заміняють реальність, і чим далі – тим більше її спотворюють. Звідси – все наростаюча проблема ідентичності, людського індивіда, його самості, бо в реальному світі людина є сама собою, має ім'я, статус і т. д. Але у віртуальному все змінено, там є лише образи, причому як правило симульовані, тобто змінені, такі, що не повинно або зовсім не відповідають реальності. Сучасна людина об'єктивно вимушена постійно переходити з реальності у віртуальність і навпаки. Це створює напруження ідентичності. Відбувається своєрідне роздвоєння: реального і віртуального буття, реальної і віртуальної самості, ідентичності. Але оскільки віртуалізація в сучасному світі набирає обертів, таке напруження зростає у відповідності до розширення і поглиблення віртуальності. Рано чи пізно така двоякість буття індивіда породить в нього своєрідний стан шизофренії – паралельного існування реальної ідентичності і багатьох калейдоскопічних, зумовлених ризомою і номадом миттєвих ідентичностей. В цьому – суть проблеми екзистенційного зрізу сучасної людини, хоче вона цього чи ні. Чи стане сучасна людина так званою номадичною, чи зуміє уберегти себе від руйнування певного цілісного стрижня? Це питання фундаментального буття сучасної людини, на яке і практика, і теорія мусять дати відповідь.

Література:

1. Надель-Червинская М. А., Червинский П. П. Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика (для школ, лицеев, гимназий). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 608 с.
2. Англо-український словник: У 2 т. – Близько 120000 слів / Склав М. І. Балла. – К.: Освіта, 1996. – Т.2. – 712 с.

ОСНОВАНИЯ ИНТУИЦИИ МИКРО- И МАКРОКОСМА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТЕЛА

Ключевые слова / Keywords: тело / body, сознание / consciousness, культура / culture, феноменология / phenomenology, теория отражения / theory of reflection

Воспринимаемый мир выстраивается как продолжение ощущения человеком собственного тела и в дальнейшем упорядочивается как космос культуры. Если меняется ощущение тела, меняется и воспринимаемый мир. Каждый космос исторической культуры раскрывает особый опыт тела. Однако тело невозможно описать как определенную данность, ведь в каждой новой ситуации тело ощущается по-новому. Тело должно описываться в его динамичности, а именно в становлении из первичного неопределенного недифференцированного опыта к своей проясненности в конкретных ситуациях. С учетом этого должно определяться феноменологическое описание тела как описание событий, проясняющих телесное присутствие в мире. Априорная структура этих событий определяет то, как в разных культурах понимается соотношенность микро- и макрокосма.

Априорная структура телесных актов. Данное мне собственное тело (т.е. феноменологическое тело) различимо в своих частях, однако я вижу эти различия в собственном теле еще до каких-либо анатомических представлений, более того, в моем ощущении собственного тела нет четких границ, которые мы находим между его анатомическими составляющими. Например, руку я ощущаю как телесное движение, когда я что-то беру, и это ощущение руки не имеет той четкой границы, которую очерчивает ее анатомическая модель. Ощущение руки в конкретной ситуации, когда я ей двигаю, переживается как событие, а не как данность определенного предмета. Как пояснил А. Бергсон: «последовательные положения движущегося тела хотя и занимают пространство, но операция, посредством которой оно переходит от одного положения к другому, находясь в чистой длительности и будучи реальной только для сознательного наблюдателя, ускользает от пространства. Мы в данном случае имеем дело не с вещью, но с процессом»

[1, 759]. Таким образом, феноменологическая структура тела не определяется его анатомической структурой, и может быть получена из анализа ощущения собственного тела.

Феноменологическое тело обнаруживается как нечто действующее и активное, данное не только как вещь, но и как событие. Поэтому феноменологическая структура тела должна выделяться событийно, через телесные акты. Например, телесный акт оперирования во внешнем пространстве – это руки. В каждой новой ситуации я выделяю свою руку по-новому, поэтому граница руки как феномена, выделенного из целостного ощущения тела, подвижна и не совпадает с ее анатомическим представлением. Поскольку рука ощущается по-разному в каждой новой ситуации, принципом, позволяющим говорить о руке как о чем-то определенном, является априорная структура, в соответствии с которой феномен руки выделяется из общего ощущения тела.

Эта априорная структура представляет собой априорную соотнесенность первичного ощущения тела (как неделимого, целостного и вместе с тем неопределенного явления) с выделенным в нем локальным феноменом в ситуации телесного воздействия на внешние предметы. Ответное действие, например рукопожатие, наполняет феномен руки новым содержанием, при этом априорный принцип выделения этого феномена остается неизменным. Разные способы соотнесенности локального феномена (в данном случае руки) и целостного неопределенного ощущения собственного тела определяют бесконечно разнообразные формы ощущения собственной руки. Описание этих способов соотнесенности позволяет создать новый феноменологический язык, выражающий нюансы ощущения собственного тела, которые раньше не удавалось передать в языке.

Аналогичную структуру можно выделить и для описания других частей тела. В феноменологическом понимании лицо есть вычлененный из данности тела феномен в телесном акте направленности на общение, восприятие, самопрезентацию, адаптацию в социальном пространстве и т.д. При этом априорную структуру выделения частей тела нельзя сводить к эмпирически данным функциям тела. Это функции построения определенной картины мира. Так, посредством лица человек выстраивает личностную сферу своего со-бытия с другими личностями.

Волосы едва ощущаются, но не воспринимаются явственно, и это ослабленное ощущение выражает собственную силу интуитивного восприятия других людей и мира в целом. Именно поэтому, монахи, уходя из мира, символически подстригаются, а политики вынуждены не символически, а практически коротко подстригаться для того, чтобы подавить интуитивное

восприятие всех негативных эмоций, которые выплескивают на них люди.

В мифологическом сознании ноги выражают связь с хтоническим началом и не сводятся к функции ходьбы. Они вычленяются из общего ощущения тела как телесный акт, в котором раскрывается связь с стихийным трансперсональным природным началом, связанным с содержанием бессознательного и скрытыми в нем витальными, жизненными инстинктами.

При этом телесные акты погружаются в среду, которая оказывает им сопротивление. Эта среда – косность человеческого тела, проявляющаяся в телесной немощи, неполноценности, безобразности или боли. Описание косности, которая становится составляющей феноменологического тела, позволяет перейти к феноменологии болезни.

Таким образом, воспринимая тело структурированным и упорядоченным, мы воспринимаем в этой телесной гармонии априорную структуру мировосприятия и свой способ существования в мире. Однако в различных культурах доминируют разные способы существования в мире. В основе новоевропейской картины мира лежит теория отражения, основанная на установке субъектности.

Первичная априорная структура тела в детском восприятии. Против новоевропейской установки субъектности говорит опыт детства. В соответствии с установкой субъектности все переживания, восприятия, мысли, акты самосознания полагаются Я. У ребенка нет опыта Я-субъекта, полагающего свои переживания. Все переживаемое ребенком не полагается, а вычленяется из целостно воспринимаемой ситуации. Это вовсе не означает, что ребенок не может различать свое тело и телесное присутствие других, или свои переживания и переживания близких. Он прекрасно ориентируется в переживаниях и отличает себя от окружающих, однако при этом не соотносит свои внутренние переживания с абстрактным Я-центром. И, как показывает практика, это нисколько не мешает прекрасно ориентироваться в переживаниях.

И взрослый, и ребенок способны ощущать свое тело как нечто отличное от окружающего мира. Но взрослый рассматривает свои телесные переживания как результаты полаганий своим Я, а ребенок вычленяет телесные ощущения из переживаемой ситуации. При этом ребенку ничто не мешает вычленивать из целостной ситуации и свое Я. Он может строить предложения от первого лица, хотя с такой же легкостью может говорить о себе и в третьем лице. Для ребенка его Я – это один из феноменов многообразно раскрывающейся ситуации. Поэтому в играх детей любые вещи легко трансформируются в соответствии с воображением ребенка во что угодно, поскольку

окружающий ребенка мир столь же удобный для трансформаций, как и вычленимое из этого мира собственное тело. В этих детских играх обнаруживается не просто тождество, а взаимопереход микро- и макрокосма.

К. Г. Юнг об этом писал так: «Здесь нет еще отчетливо обособленного Я, а есть только события, которые могут относиться ко мне, а могут и к другому» [2, 44]. Сказанное верно, однако нужно внести уточнение. В случае взрослого, Я – это субъект как условие восприятия, переживания и мышления. При таком понимании без Я не может быть опыта жизни. В случае ребенка, Я – это один из феноменов, вычленимый из ситуации и разнообразящий уже наличествующее переживание жизни. Таким образом, формирование взрослого понимания Я-субъекта признак не развития личности, а ее обеднения, вызванного редукцией целостного опыта жизни.

Опыт тела до возникновения теории отражения. Представление о познании как отражении действительности стало неявной гносеологической предпосылкой новоевропейской картины мира, которая была подвергнута философской рефлексии далеко не сразу. В соответствии с этой предпосылкой в познании дан не сам предмет, а субъективный образ этого предмета. Иначе говоря, познание начинает трактоваться как отражение внешнего мира в сознании. До возникновения этой предпосылки господствовало более естественное понимание: в познании дан сам по себе предмет как таковой. Рассмотрим опыт тела до возникновения теории отражения, как это было естественным для античного или средневекового человека, да и не только для них.

Человеку собственное тело дано непосредственно, и это ощущение непосредственной данности тела естественным образом распространяется на данность мира. Причем способ этого распространения заложен в самом восприятии собственного тела. Рассмотрим этот способ распространения на примере априорного восприятия всего лишь одного элемента тела – волос.

Тело может восприниматься не только как внешний предмет, но и как внутренняя данность. Внутреннее восприятие тела неравномерно: что-то в нем ощущается ясно, а что-то – нет. Человек может ясно ощущать лицо или руки, но довольно слабо – волосы. Иначе говоря, волосы – это такой телесный аспект, который представляет собой сферу промежуточную между бытием собственного тела и бытием внешнего мира. В этой промежуточной сфере внутреннее восприятие тела ослаблено, в силу чего оно не противопоставляется восприятию внешних предметов.

Благодаря такому особому восприятию открывается такой взгляд на мир, в соответствии с которым внутреннее восприятие внешних предметов

вовсе не является невозможным, а только лишь сильно ослабленным, подобно восприятию собственных волос. Таким образом, промежуточная сфера между бытием тела и бытием мира начинает расширяться за счет включения в нее предметов внешнего мира. Но это распространение достигается не только за счет предельного ослабления внутреннего восприятия, но еще и за счет рассредоточения восприятия.

Если современные европейцы понимают сознание как соотнесенное с субъектом бытие, то античные люди были свободны и от этой гносеологической предпосылки новоевропейской культурной традиции. Это открывало для них возможность описывать внутрителесные переживания как данности, которые могут соотноситься с субъектом, а могут и не соотноситься. Благодаря такому пониманию все в мире можно представить как ослабленные и рассредоточенные в вещах переживания.

Этим объясняется, почему древний человек не мог представить смерть как полное и окончательное уничтожение. Если мы обратимся к первым греческим натурфилософам, либо к античным материалистам, которые отрицали посмертное существование, все равно видим, что смерть они понимают не как уничтожение, а как рассредоточение жизни в природе. В этом рассредоточении нет ничего ужасного и трагичного, и в принципе не исключено, что такая рассредоточенная жизнь может быть воссоздана в соответствии с принципом вечного возвращения. Если микрокосм тождествен макрокосму, то смерть без последующей посмертной жизни приведет не к уничтожению микрокосма, а его растворению в макрокосме.

Опыт тела после возникновения теории отражения. В соответствии с теорией отражения происходит не только деформация восприятия мира, но и деградация ощущения собственного тела. С точки зрения новоевропейского человека в сознании даны лишь субъективные образы реальных вещей. Хотя непосредственная данность тела противоречит такому пониманию, волосы, в силу их ослабленного ощущения, начинают восприниматься не столько как собственное тело, сколько как субъективный образ внешнего предмета. Это объективированное восприятие волос постепенно начинает распространяться на все тело, которое, в конце концов, редуцируется к биологическому предмету. Внутрителесные ощущения перестают восприниматься в качестве непосредственной данности собственного тела, и начинают пониматься как субъективные переживания, указывающие на внешний предмет. Постепенно человек все меньше и меньше обращает внимание на внутренне восприятие собственного тела, что приводит к деградации этого восприятия.

В соответствии с такой установкой внутренний мир сознания противопоставляется объективированному представлению о мире и собственном теле, и с разрушением тела полностью уничтожается. Непонятный людям других культур страх смерти современного европейского человека – это страх перед полным уничтожением внутреннего жизненного мира и исчезновением в абсолютном ничто. Иными словами, микрокосм, не имеющий самодовлеющего онтологического основания, уничтожается вместе со смертью субъекта. В связи с этим у современных атеистов возникла даже наивная теория о том, что люди якобы «придумали загробный мир», потому что боялись смерти.

В новоевропейском миропонимании между микрокосмом и макрокосмом отношение не тождества, а отражения. Если в отношении тождества микрокосм и макрокосм, онтологически однородны, то в отношении отражения наоборот. Одна составляющая этого отношения начинает пониматься как онтологически ущербная по отношению к другой. Например, в материализме сознание трактуется не как онтологическая реальность, а как свойство другой онтологической реальности – материи, при этом тело понимается не как микрокосм, а как материальный предмет макрокосма. Микрокосмом оказывается только сознание, которое не составляет собственной онтологической реальности, но представляет собой лишь свойство материи.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
2. Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995. 336 с.

Чеснова Е.Н. (Chesnova Ye.N.)

Кандидат философских наук,
кафедра философии и культурологии,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФЕНОМЕНА ВЕРЫ В ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОМ УЧЕНИИ А.Т. БОЛОТОВА

***Аннотация:** Статья посвящена реконструкции феномена веры в духовно-нравственных воззрениях А.Т. Болотова. Применяется критериальный метод в исследовании взглядов А.Т. Болотова на феномен веры. Предлагается проблематика исследований и актуальные направления в исследовании творчества А.Т. Болотова.*

Ключевые слова: А.Т. Болотов, вера, критериальный метод, критерии веры, разум, знание, самопознание.

Keywords: A.T. Bolotov, faith, criterion method, criterion of faith, mind, knowledge, self-knowledge.

Исследования обширного творчества выдающегося деятеля науки и культуры, энциклопедиста, просветителя, духовно-нравственного мыслителя, естествоиспытателя XVIII века Андрея Тимофеевича Болотова занимают особое место в существующем социогуманитарном знании. Несмотря на существенную временную отдаленность от XXI века, его проблем, направлений в исследованиях, необходимо отметить актуальность и знаковость для российской научной мысли личности А.Т. Болотова, его творческого наследия, которое включает в себя около 350 томов произведений научного, пе-

дагогического, философского, литературного и иного характера. Многие труды мыслителя остаются неопубликованными, известными узкому кругу специалистов и по сей день. Это обусловлено тем, что только в 80-ые годы прошлого столетия широкому кругу общественности стали доступны материалы его творчества и ждут всестороннего исследования. Для нас наибольший интерес представляют труды А.Т. Болотова духовно-нравственного, философско-антропологического характера. Так как в них с наибольшей глубиной проявилась «целостность русского духа» [4, 11], личность самого мыслителя, экзистенциальные основания человека, его ценность. Человеческая жизнь в «духовной антропологии» мыслителя всегда сопряжена с «добродетелью и моральным выбором» [3, 3; 4, 13]. Ценностью жизни выступает свобода, выражающаяся в самопознании, нравственной самооценке через категории «добродетели и прока (т.е. греха)» [3, 8]. Самосовершенствование, духовно-нравственное воспитание, патриотизм основываются на осознании человеком категорий «благо», «гармония», «счастье». Именно через эти категории раскрываются духовно-нравственные воззрения мыслителя, делается возможной реконструкция взглядов на феномен веры, который является неотъемлемым феноменом человеческого бытия.

Мы можем встретить довольно много трудов по рассмотрению вклада мыслителя в естественные науки, в педагогику, литературу. Менее изученными являются проблемы философской антропологии, взятые на стыке с аксиологической (ценностной), этической, психологической проблематикой. При реконструкции веры в учении мыслителя интерес представляют труды, направленные на исследование его этических воззрений, реконструкции системы ценностей (Щеблыгина И.В., Мелешко Е.Д., Пенькова Е.А.), философско-антропологической доминанты, особенностей существования личности (Боровая А.А., Квасова О.Г.), системы взглядов и личности А.Т. Болотова (Шамедько Н.В., Листкова А.С., Дьячкова А.Т., Дьячкова Т.В.), метафизических представлений на стыке с антропологической, этической, эстетической проблематикой (Пенькова Е.А.). На данный момент целенаправленной реконструкции феномена веры в трудах А.Т. Болотова не проводилось, что обуславливает необходимость и актуальность исследований в данном направлении. В контексте реконструкции феномена веры научный интерес представляют такие философские труды мыслителя, как «Детская философия, или нравоучительные разговоры между одной госпожой и её детьми, сочинённые для споспешествования истинной пользы молодых людей» (изданы 2 части, 8 частей продолжения этого труда остались в рукописях); «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или опыт нравоучительных

и отчасти философских разсуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах приобретения онаго»; «Чувствования христианина при начале и конце каждого дня, относящиеся к самому себе и к Богу» и так далее. При исследовании взглядов А.Т. Болотова на феномен веры необходимо учитывать, что философские и научные взгляды мыслителя имели специфические национальные и личностные черты, сама философская система имела свои особенности: 1) согласованность со Священным Писанием, с принципами православного вероучения; 2) отрицание слепой веры, вера не являлась единственным основанием для суждений, необходимо подкреплялась научными доказательствами и «здравыми философскими рассуждениями ума», глубокая религиозность, христианское благочестие соединялись с прагматическими и материалистическими воззрениями, что было следствием того, что его религиозно-философские убеждения были сформированы на основе «ортодоксального православия и философии немецкого религиозного Просвещения»; 3) исследование «науки о мире» – «физики» (т.е. естественных наук) в тесной связи с натуральным богословием для познания «разума», «премудрости», «промысла» Бога в природе, «божественной гармонии» и красоты природы; 4) обращение к антропологической проблематике; 5) обращение к проблемам этики, пытался соединять религиозную этику и «закон естества и натурального права»; 6) центральным, системообразующим принципом является «общее» – сущность Бога [9]. Это во многом наложило особый отпечаток на концепцию веры А.Т. Болотова. Он стремился согласовать разум и веру. Разум и все проявления его являются необходимым «компонентом повседневной жизни» [9]. Воззрения мыслителя на феномен веры очень близки к органическому сочетанию веры и разума, идее бесконечности знания и веры, отсутствия ограничений между ними. Такое понимание отсутствия противоположности между верой и знанием А.С. Стрельцов находит, например, у Н.А. Бердяева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского. Вся жизнь и творчество А.Т. Болотова -стремление соединить прагматику, материалистические взгляды и православие, искреннюю веру в Бога. Вера для него стала не эмоциональным проявлением человеческой деятельности, а рационально обоснованным феноменом бытия человека. В этом аспекте его учения о вере к нему близки взгляды немецко-американского неортодоксального протестантского теолога XX века П. Тиллиха, предполагающего, что в вере соединяются эмоциональные и рациональные элементы, учение о рациональности польского католического теолога XX-XIX вв. С. Вшолека. Болотов А.С. стремился согласовать философию и теологию с учетом современных ему достижений в области естественных наук. Оставаясь приверженцем крузианской философии,

идей немецких философов придерживался воззрений, соединяющих веру в божественное откровение с верой в возможности отдельной личности. Особое место занимает в его воззрениях феномен благочестия. Придерживаясь принципа личной свободы и независимости, он приходит к пониманию того, что основой веры выступает не внешнее благочестие, не соблюдение обрядов, а внутренняя убежденность в личную связь с Богом. В этом плане он близок в воззрениях на веру как личное отношение с Богом с протестантской теологией, где вера неизменно соединялась с благочестием в миру. Поэтому мы согласимся с мнением Щерблыгиной И.В. о том, что в понимании веры Болотовым А.Т. как внутренней связи человека с Богом прослеживаются протестантские мотивы, влияние на него идей пиетизма. Болотов А.Т. переносит в религии центр тяжести с культовой практики на внутренний мир человека. Придерживаясь основ христианской морали в своих духовно-нравственных воззрениях, он своей жизнью, делами утверждал принцип действительности веры человека в делах его. В этом плане мы можем согласиться с мыслью Щерблыгиной И.В. о том, что А.Т. Болотов «будучи православным по образу мыслей, был протестантом по образу жизни» [10].

Применяя критериальный метод исследования феномена веры, мы можем отметить, что в воззрениях А.Т. Болотова преобладает соединение двух критериев веры: 1) рациональность как критерий веры; 2) критерий веры как совокупность рационального, эмоционального, бессознательного, иррационального и рационального как целостность веры [См.: 6, 33-34]. Преобладающим в связке вера-разум с одной стороны является разум, а с другой стороны это всегда духовно-рациональная связь с устремлением к трансцендентному. Предельным интересом у А.Т. Болотова, если использовать терминологию П. Тиллиха, всегда является Бог, а не божественность. Душа человека, созданная по образу и подобию Бога не должна замыкаться на мирском, земном существовании, всегда должна быть устремлена к Богу. Вся полнота бытия может быть обретена человеком только в духовном единении с Богом. Земная жизнь важна для самосовершенствования, самопознания, добродетельной жизни. Но главная цель развитие души, а не самосовершенствование тела. Если человек остановится лишь на самосовершенствовании телесной оболочки, то он поддастся страстям, начнет вести порочную жизнь. Целью человека в самосовершенствовании становится нравственное самосознание, победа над нравственным злом (корыстолюбием, жестокостью, праздною жизнью и т.д.). В этом заключается практическая сторона веры. Необходимо отметить, что вера для А.Т. Болотова заключается в стремлении к самопознанию, знанию, в котором сомнение не является составным элементом вза-

имоотношений веры и разума. Сомнение, ложные страсти человек должен избегать на основе здравого смысла. Суеверия, страхи, заблуждения преодолеваются просвещением, знанием не только природы, естественных законов, но и Божественных законов, вероучения. Такое знание делает также человека счастливым, на основе него достигается умиротворение и согласие с окружающим миром и людьми.

Вера ценна в ее неразрывном соединении с разумом. Она приобретает нравственный смысл в самопознании, в стремлении к самосовершенствованию, которое необходимо для существования человеческой личности. По мнению Е.А. Пеньковой, именно самопознание у А.Т. Болотова является путем к преодолению человеком своих страстей. Именно в вере-знании-самопознании человек может построить свою жизнь «по принципам добра, любви и христианских добродетелей, а также исполнять гражданский долг» [5, 23]. Это становится путем добродетельной жизни человека. Самопознание предстает как нравственное делание, которое человек призван осуществлять в течении всей своей жизни на рациональных основаниях. Этот рациональный элемент веры подводит нас к еще одному критерию – нравственная добродетель как критерий веры [См.: 6, 35-36]. Особенностью такого нравственного делания у А.Т. Болотова выступает то, что это становится личным делом каждого человека, это его мирская обязанность направляемая верой и безусловным почитанием Бога и совершаемая на рациональных основаниях. Это подтверждает и его опыт жизни, основанный на семи наиважнейших «выгодах»: самопознании, знании, истреблении недостатков и воспитании в себе добродетелей, соответствия нравственного самопознания божественному замыслу, «правильного понимания долга по отношению к Богу, себе, другим людям», руководство здравым смыслом, ощущение «истинности и удовольствия от правильного избранного выбора» [См.: 2]. Можно сделать вывод о том, что дальнейшая реконструкция феномена веры в учении А.Т. Болотова должна проходить в контексте гносеологической, философско-антропологической, духовно-нравственной проблематик. Это приводит нас к целому спектру проблемных полей, ждущих своего научного исследования в данной области. Например, при реконструкции взглядов мыслителя на феномен веры представляет интерес сравнительный анализ феномена веры в учении А.Т. Болотова и русских религиозных мыслителей (например, А.С. Хомякова, Л.Н. Толстого), теологии (католической, протестантской; ортодоксальной и неортодоксальной), богословии (православном). Исследование воззрений А.Т. Болотова на веру и благочестие, соотнесение его взглядов с воззрениями Ристо Сааринена на веру и

святость также представляет научный интерес. В виду большой актуальности исследований в области эсхатологических настроений и представлений научный интерес также представляет анализ соотношения феномена веры и «личной» эсхатологии в учении А.Т. Болотова (например, это мы встречаем в исследованиях по эсхатологии у Мартыановой (Якимовой) Е.Г.). Например, данный анализ можно провести на основе критериального подхода в определении смыслового содержания понятий «вера» и «эсхатология» [См.: 7, 80-91], а также исследований, проводимых в рамках данного дискурса.

Литература

1. Болотов А.Т. Детская философия/ Вступ. ст., подготовка текста, комментарии Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. – СПб.: ИД «Петрополис», 2012. – 854 с.
2. Болотов А.Т. Утренники семидесятилетнего старца, состоящая в советах и наставлениях своим внучатам. Книжка IV, содержащая в себе замечания о должностях человека к самому себе. В Дворянинове, 1815. (ОР РНБ Ф. 89 Болотовы 56. Л. 6-7 об.).
3. Боровая А. А. Философско-антропологические доминанты в философии русского просветителя А. Т. Болотова. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. 20 с.
4. Мелешко Е. Д. Пространство частной жизни А. Т. Болотова. // Наследие Андрея Тимофеевича Болотова и современность: Материалы Междунар. Науч.-практ. конф., посвященной 275-летию А. Т. Болотова. -Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. – С. 11-14.
5. Пенькова Е. А. Основные положения этической концепции А.Т. Болотова. // Система ценностей современного общества. Сборник материалов XXXI Международной научно-практической конференции / Под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. – С. 19–24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/71933724.pdf> (дата обращения: 1.07.2015 г.).
6. Чеснова Е. Н. Критериальный метод в исследовании феномена религиозной веры. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. – С. 31-41.
7. Чеснова Е. Н., Якимова Е.Г. Критериальный подход в определении смыслового содержания понятий «Вера» и «Эсхатология». // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 1. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. – С. 80-91.
8. Чеснова Е. Н. Реконструкция феномена веры в учении А. Т. Болотова.// Наследие Андрея Тимофеевича Болотова и современность: Материалы

- Международ. Науч.-практ. конф., посвященной 275-летию А. Т. Болотова. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. – С. 62-64.
9. Шамедько Н. В. Система взглядов А. Т. Болотова (1738-1833) как мыслителя и учёного // Наука: Теория и практика – 2008: материалы межвуз. науч.-практ. конф.: Секция 9. История. Прага: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2008. С. 69-73. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bolotov1738.narod.ru/article9.html> (дата обращения: 6.09.2015 г.).
10. Щерблыгина И.В. А. Т. Болотов и его система ценностей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. – 27 с.

